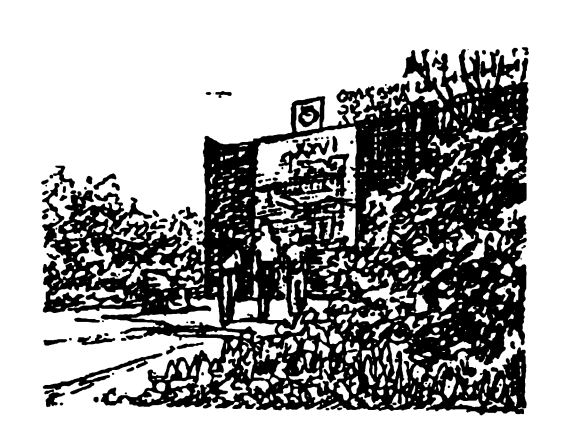
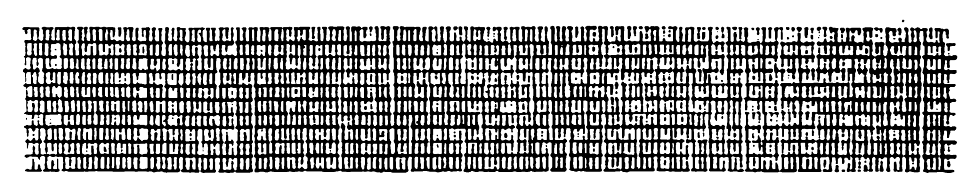
Народные мемуары

Воспоминания работницы М. Н. КОЛТАКОВОЙ «Как я прожила жизнь»

ОМСК 1997

Мария Николаевна КОЛТАКОВА
Снимок 1997 года

Народные мемуары

II

МИНИСТЕРСТВО ОБЩЕГО И ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Воспоминания работницы М. Н. Колтаковой «КАК Я ПРОЖИЛА ЖИЗНЬ»

Публикация и исследование текста

ОМСК - 1997

УДК 808.2 + 930.2:003
В 774

ВОСПОМИНАНИЯ РАБОТНИЦЫ М. Н. КОЛТАКОВОЙ «КАК Я ПРОЖИЛА ЖИЗНЬ»: Публикация и исследование текста / Подготовка текста, предисловие и комментарий Б. И. Осипова. Омск: Омск. гос. ун-т, 1997. 106 с. (Народные мемуары).

Воспоминания работницы М. Н. Колтаковой охватывают события с 20-х до 90-х годов нашего века и повествуют о деревенском детстве мемуаристки в глухом северном селе, о событиях коллективизации, о работе на лесозаготовках, на Ярославском и Омском шинных заводах, о жизни на пенсии в Омске. Книга продолжает серию научных изданий народных мемуаров, которую начал в 1995 г. проф. Б. И. Осипов публикацией «Автобиографических записок» сибирского крестьянина В. А. Плотникова. Новые фрагменты этих записок публикуются в приложении к настоящей книге.

Книга адресована историкам и филологам, а также всем, кто интересуется судьбой родной страны и её рабочего класса

Подготовка текста, предисловие и комментарий
доктора филологических наук профессора Б. И. Осипова

Рецензенты:
кафедра новейшей отечественной истории и источниковедения
Омского государственного университета;
профессор Омского государственного педагогического университета
доктор филологических наук А. Э. ЕРЕМЕЕВ

Заказы на книгу присылайте по адресу: Омск, 644077, пр. Мира, 55-А, Омский государственный университет, филологический факультет, кафедра общего языкознания

ISBN 5-7779-0073-9

Предисловие

О Русь, Приснодева,
Поправшая смерть!
Из звёздного чрева
Сошла ты на твердь.

На яслях овечьих
Осынила дол,
За то, что в предтечах
Был пахарь и вол.

Воззри же на нивы,
На сжатый овёс, -
Под снежною ивой
Упал твой Христос!

Опять его вои
Стегают плетьми
И бьют головою
О выступы тьмы...

С. ЕСЕНИН

[illegible]

Образец почерка М. Н. Колтаковой: одна из страниц воспоминаний

ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ, ЛИТЕРАТУРНОЕ И ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ВОСПОМИНАНИЙ М. Н. КОЛТАКОВОЙ «КАК Я ПРОЖИЛА ЖИЗНЬ»

1. Общая характеристика воспоминаний

Предлагаемая читателю книга продолжает серию народных мемуаров, начатую «Автобиографическими записками сибирского крестьянина В. А. Плотникова»[1] На сей раз перед нами воспоминания работницы шинного завода.

Как и большинство рабочих нашей страны - страны, которая до недавнего времени была преимущественно крестьянской, - Мария Николаевна Колтакова не является потомственной производственницей. Она выросла в деревне и только после раскулачивания родителей, уже взрослой девушкой, переехала в город и влилась в ряды рабочего класса, поступив на Ярославский шинный завод. Военные годы она вновь проводит в деревне, но после войны уезжает в Омск, куда был эвакуирован Ярославский шинный и где оказались вместе с заводом и её родственники. Два послевоенных десятилетия её трудовой биографии связаны с заводом «Омскшина». Выйдя на пенсию, Мария Николаевна не утрачивает жизненной активности и постоянно пребывает в каких-нибудь хлопотах.

В 1995 году, в год своего 80-летия, она по моей просьбе написала первый вариант своих воспоминаний. К сожалению, того литературного дара, который так удивил меня в В. А. Плотникове, Мария Николаевна не обнаружила. Главная её беда оказалась в сбивчивости рассказа, в неумении изложить последовательно даже самый простой эпизод. Кроме того, многое в первоначальном варианте записок было изложено слишком кратко по сравнению с известными мне устными рассказами Марии Николаевны, обо многом просто не было сказано ни слова. Я стал составлять списки тех эпизодов, которые знал из бесед и хотел бы видеть в более полном изложении. Мария Николаевна излагала их на отдельных листах и периодически приносила мне. Увы, и в этих коротких

[1] Автобиографические записки сибирского крестьянина В.А.Плотникова: Публикация и исследование текста / Предисловие, подготовка текста и комментарий Б. И. Осипова. Омск, 1995.

фрагментах сбивчивость тоже давала себя знать, так что содержание того или иного рассказа удавалось иногда понять только после подробных расспросов и переспросов, что же после чего было. Разрезая листы воспоминаний на отдельные кусочки, я складывал из них, как из мозаики, связное повествование. При этом я старался ничего не менять в строе фразы и в лексике, ограничиваясь лишь устранением наиболее «грубых» морфологических диалектизмов вроде *с нам* вместо *с нами*

И всё же мемуарам недоставало живых красок. Хотя надо сказать, что у Марии Николаевны, в отличие от большинства малограмотных людей, нет психологического барьера перед письменным словом: она может и пошутить, и круто выразиться на письме, - но многие подробности событий при письменном изложении всё-таки ускользали.

Тогда я, опираясь на опыт издания записок В. А. Плотникова, решил дополнить письменный текст транскрипцией устных бесед, записанных на магнитофон. Увы, в устных рассказах была та же самая беда, о которой я упомянул в самом начале, - сбивчивость. И с транскрибированной частью текста пришлось проделать ту же операцию, что и с письменной: расставить излагаемые события в нужном порядке. Иногда, если обеспечивается хотя бы минимальное понимание последовательности описываемого, я оставляю авторские перескоки в неприкосновенности, но это удаётся реже, чем хотелось бы. Неизбежны при таком стиле рассказчицы и повторы отдельных мест, которые я также не стал устранять.

В отличие от воспоминаний В. А. Плотникова, в которых устные рассказы представляют собой дополнения двух мест основного повествования и потому вынесены в конец мемуаров, устные беседы с Марией Николаевной оказались необходимым дополнением многих эпизодов её рассказа о жизни, и я решил включить их в основной текст.

В качестве же дополнения к основному тексту даны образцы поэтического творчества Марии Николаевны. Конечно, это не творчество в полном смысле слова: стихи её сложены из готовых блоков - молитвенных формул, речевых клише, цитат, не всегда даже ей самой понятных, - но тем не менее сам факт обращения к подобному занятию с её стороны уж очень неординарен.

Работа над мемуарами закончена Марией Николаевной в июне 1996 года. К этому времени относятся последние упоминаемые в мемуарах события. По окончании работы я попросил Марию Николаевну написать обращение к читателям.

которое и воспроизводится в настоящем издании как образец её почерка и общего характера письма.

2. Воспоминания как лингвистический источник

Безо всякого преувеличения могу сказать: воспоминания М. Н. Колтаковой открыли для меня особый пласт народно-разговорной речи - совершенно пока не исследованную в этом качестве речевую манеру горожан первого поколения. Мы, лингвисты, до сих пор изучали либо диалекты, с их глубоко органичным, устоявшимся строем, либо некое усреднённое городское просторечие. Между тем в просторечной стихии города существенно различаются речь тех пусть и необразованных, но потомственных горожан, для которых просторечие так же органично, как диалект для сельского жителя, и речь тех, кто переселился из деревни и для кого овладение городской манерой говорить вопрос престижа. В стремлении к такому престижу горожане первого поколения и на родной сельский говор смотрят если не свысока, то во всяком случае уже отстранённо, и просторечие по-настоящему не усвоили, не говоря уж о литературной норме.

Это глубоко кризисное состояние языка, вызывающее порой тяжёлое чувство своей неорганичностью, комплексом полукультурья, чудовищным синтаксисом, - но это состояние, характеризующее очень большой слой населения и уже по одной этой причине требующее самого внимательного изучения, самого серьёзного анализа. Невольно вспоминается земляк нашей мемуаристки Н. Рубцов:

Ах, город село таранит!
Ах, что-то пойдёт на слом!
Меня же терзают грани
Меж городом и селом.

Просторечие горожан первого поколения одна из таких граней, терзающих любого человека, чуткого к эстетике языка, но это не значит, что от этой грани надо отворачиваться.

Пока что нет возможности дать сколько-нибудь полную характеристику данного речевого пласта, но некоторые особенности так бросаются в глаза, что их нельзя не заметить даже при слабой изученности объекта.

Одну из них я уже указал: это отстранённое, часто с оттенком превосходства, отношение к родному деревенскому говору. Примером может служить следующая фраза из повествования

М. Н. Колтаковой о деревенском детстве: *Было построено огувно (теперь зовут рига).* Диалектное слово прямо охарактеризовано как устарелое, «отсталое» Важней, впрочем, не такие прямые характеристики, а стремление избегать диалектизмов или того, что воспринимается как диалектное, «деревенское». Приёмы реализации этого стремления ещё предстоит проанализировать. Сказанное об отстранённом отношении к диалекту не значит, что в анализируемой разновидности речи диалектизмы действительно не употребляются. Иногда носитель такого «первичного» городского просторечия принимает за диалектизм литературное слово и наоборот.

Вообще работа над словарём речи города показала, что в городской разговорной речи могут быть обнаружены самые неожиданные диалектизмы[2] В воспоминаниях М. Н. Колтаковой я наткнулся на слово *кóминь*, которое в «Словаре русских народных говоров» фиксируется как юго-западное со значениями 'передняя часть русской печи над устьем' (то есть то место, где дым из устья выходит в дымоход, нижний торец дымохода) и 'верхняя часть печной трубы' (то есть верхний торец дымохода)[3]. Между тем родной говор М. Н. Колтаковой относится к северо-восточной группе, а слово *коминь* употреблено в значении 'торцовое отверстие чердака'. Это позволяет высказать два предположения: во-первых, что ареал слова *коминь* шире, чем это представлено в словарных фиксациях, во-вторых, что в словаре, как это часто бывает в диалектной лексикографии, понятийное значение слова подменено предметным, денотативным: видимо, понятийное значение рассматриваемого слова - 'отверстие в торце', а торец ли это дымохода или чердака и какой именно торец (сверху, снизу, сбоку), неважно, эти различия находятся за пределами понятийного значения[4]

---

[2] См., напр., замечания о слове *куросóдня* в кн.: Осипов Б. И. и др. Лексикографическое описание народно-разговорной речи современного города: Теоретические аспекты. Омск, 1994. С. 84.

[3] Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф. П. Филина. Л. 1978. Вып. 14. С. 232.

[4] Случаи подмены понятийного значения конкретно-предметным часто доводится наблюдать на диалектологической практике студентов. Вот яркий случай в одной из экспедиций Удмуртского университета. Информант, рассказывая, как тяжело шофёрам во время ненастья, кивает на испачканные грязью автомашины и говорит: «Вон грязнухи-те стоят» Студент фиксирует *«Грязнуха* - машина» Конечно же, *грязнуха* - это 'любой грязный предмет', таково понятийное значение слова, но

Привожу в алфавитном порядке другие лексические диалектизмы, встретившиеся в тексте воспоминаний: *ба́ба* 'женщина'; *ба́бушка* 'знахарка'; *вила́шки* 'вилы'; *в си́лу* 'насилу, с трудом'; *вы́ломка* 'бурелом'; *доло́нь, доло́нка* 'площадка на гумне'; *ево́ный* 'его, принадлежащий ему'; *квартера́нт* 'квартирант'; *кото́рые* 'некоторые'; *ла́вочка* 'скамья'; *мели́цея* 'милиция'; *наби́ть* 'поколотить'; *не́мочный* 'немощный'; *новина́* ' новая, только что освобождённая от леса пашня'; *оббива́ть* 'обивать'; *обгороди́ть* 'огородить'; *обку́чить, обку́чивать* 'окучить, окучивать'; *о́бласть* 'областной центр'; *однокру́жка* 'двухколёсная телега для перевозки навоза'; *па́лошник* 'тимофеевка луговая, кормовое растение'; *пе́стрядь* 'домотканая пёстрая ткань'; *под* 'незадолго до' (*под войну* - 'незадолго до войны'); *подбавля́ть* 'добавлять'; *подружи́ть* 'подружиться'; *по́дпол* 'подполье'; *приби́ть* 'перебить (всех), поубивать'; *прове́дать* 'навестить' ; *пря́тать* 'чистить от леса пашню, убирать вырубленный лес'; *пря́ха* 'прялка, устройство для прядения'; *обиха́живать* 'обслуживать'; *опа́мятоваться* 'опомниться, прийти в себя'; *свети́льник* 'светец, развилка для лучины над корытом с водой'; *скла́сть* 'сложить'; *слови́ть* 'изловить, поймать'; *сморо́да* 'смородина'; *согреба́ть* 'грести, сгребать в копны (о сене)'; *сорва́ться* 'изорваться, износиться'; *сре́зать* 'зарезать'; *сто́ль* 'столько'; *счерти́ть, счёрчивать* 'начертить, перечертить с какого-либо оригинала, ср. *срисовать*'; *тальянка* 'марка гармони (искаж. *итальянка*)'; *тепе́рича* 'теперь'; *утаска́ть* 'утащить'; *уходи́ть* 'входить, вмещаться'; *це́пь* 'цеп, палка для обмолота хлеба, прикреплённая ремнём к другой палке, служащей ручкой'.

Как видим, диалектизмы в основном словообразовательные, собственно лексических немного. Само количество областных слов (около 60 на 2 печатных листа текста) относительно невелико. (Для сравнения: в тексте В. А. Плотникова, занимающем примерно 2,5 печатных листа, диалектизмов около 200). Своего отца Мария Николаевна никогда не называет *тятя* - только *папа* или *отець*. (Именительный падеж этого последнего слова единственная форма, в которой Мария Николаевна сохраняет мягкий *[с']*; о наличии в её родном говоре мягкого цоканья она рассказывала сама: *У-на́с фсё на-цё говори́ли в-*

референтное, употреблённое в данной ситуации, - действительно 'грязная машина' Печально, но неудивительно, что порой такие толкования проникают и в словари.

дерёвне, фсё на-цё: цё да-поцё. А-сём килóметров дерёвня - тáм-уж другóй розговóр: штё да-поштё).

В тексте устных бесед можно отметить ещё ряд морфологических и фонетических диалектизмов Это последовательно сохраняющаяся форма 3-го лица *мóгот* вместо *мóжет*. Это глагольные формы с [о] в корне при суффиксе *-ыва* *закóпывать выбрóсывать* и т п., что особенно интересно отметить на фоне сохранения старого чередования [о//а] в случаях *горéть погарáть, копнýть капáть* и под. Встречаются, но непоследовательно формы местоимений 3-го лица без мены [j] на [n'] после предлога: *к им* и т п Преобладают стяжённые формы окончаний типа *односпáльну*, но встречаются и нестяжённые. Последовательно выдержано совпадение творительного падежа с дательным во множественном числе *ногáм топтáла, с нáм* и т п Другие случаи диалектизмов в словоизменении единичны. *вы́корчевают* вместо *вы́корчуют; сынóв* вместо *сыновéй, тетеревéй* вместо *тетеревóв, вы́резков* вместо *вы́резок*. Сохранено в речи Марии Николаевны последовательное образование страдательных причастий прошедшего времени с помощью суффикса *-т* (*-t*). *закóпат, починет, сóрват* и т. п., но по чистой случайности эти формы не попали в записанные на магнитофон тексты. Есть в текстах случаи диалектного ударения. *пробы́ли, прибы́ли, чертúт* (ср. у Некрасова: *таинственно что-то чертúт по песку*). Достаточно хорошо, хотя всё-таки не до конца последовательно, сохранены еканье и оканье архаического типа Южнорусский акающий говор одной из своих родствен[illegible] Мария Николаевна воспринимает как чужой и довольно ловко передразнивает

Итак, перед нами если и не до конца преодолённая, то обречённая на преодоление диалектная система.

Что же идёт ей на смену в речи некоренного горожанина?

В плане сознательной установки - это прежде всего книжно-литературная лексика и городская терминология, в частности производственная. Приведу список соответствующих слов и выражений, зафиксированных в тексте воспоминаний *академия* 'высшее учебное заведение в армии', *антресоли*. *акт* 'документ' *асбестовый; благоустроенный. бухгалтер. батарея* 'радиатор центрального отопления', *бобина. браслет* 'часть автомобильной шины'; *браслетчица* 'работница шинного производства, изготовляющая браслеты' *бомбить, выступить* 'сказать что-либо публично' *воспитывать. вертолет. войсковой. возобновлять. вызов* 'документ' *всюду валик* 'деталь машины',

градить 'ограждать (о крестном знамении как знаке ограждения от дьявольской силы)'; *десантник, десантный; душман* 'боевик вооружённой оппозиции во время афганской войны'; *дежурить; значиться; извинить, исцелитель, изделие; инструктор; инстумент; инструментальный; инструментальщица; инвалид; инфаркт; красный уголок; капроновый; каучук; комсомол; комсомолец; коммунист; курорт; контора; кадровский; кадры; квартальная* 'служащая домоуправления'; *каландр* 'машина, состоящая из системы валов, между которыми прокатывается резина'; *корд* 'особо прочная кручёная нить, применяемая в шинном производстве'; *кордный; лифт; люстра; мебель; механик; материал; нервный; наделить; отгул* 'свободный от работы день взамен неиспользованного выходного'; *однокомнатный; обрезчица* 'специальность на шинном заводе'; *освоить; пункция; подсадка* 'хирургическая операция'; *педучилище; пенсионер; пенсия; парашют; пулемёт; прописать* 'оформить в органах милиции обязательную регистрацию по месту проживания'; *палас; предколхоза; положено; прокладка; протез; пилорама; промтовары; продукты; педаль; почётная карта* 'разновидность почётной грамоты, документ о поощрении'; *подселение; протектор; подошвенный* 'цех на шинном производстве'; *позволять; рулон; радоновые ванны; рация; расчётчица; регистрировать; расконвоировать; смазчица; смазчик; спондилёз* 'заболевание позвоночника'; *стенка* 'комплект мебели'; *сквиджмашинистка* 'специальность на шинном производстве'; *стыковщица* 'специальность на шинном производстве'; *сборщик; товарищеский суд; труд; трудодень; участок; учётчица; усвоить; характер; чефер* 'прорезиненное полотно, из которого изготавливаются боковины автопокрышек'; *шифоньер; шпунт* 'выступ на доске для вставки в жёлоб соседней доски при настилке пола'; *шланг; шина; шинный; электрический; этаж; эвакуировать; электрокар; электрокарщица*. Итого таких слов и оборотов в тексте - 110, то есть в два с лишним раза больше, чем диалектизмов.

Кроме терминологической, к списку «городской» лексики надо прибавить ещё и лексику городского просторечия (частично это ненормативные образования от тех же производственных терминов) и лексику, перешедшую или переходящую из городского просторечия в общерусское (то есть и городское, и сельское). Привожу соответствующий список: *анжинéр* 'инженер'; *áрмия* 'армейская служба' *(кончить армию); болтáть (языком)*

говорить лишнее'; *большинствó* 'большей частью' (*большинство сеяли лён*); *бáба* 'бабушка' («окультуренное» *бабка*); *в* 'на' (*в завод*); *вокуúрать* 'эвакуировать'; *вы́пить* 'выпить спиртного'; *вы́пивши* 'слегка пьяный'; *декрет* 'отпуск по беременности и родам'; *двухствóльный; дешёвка; жóпа; заóчник* 'знакомый по переписке'; *здорóвый* 'большой'; *килó* 'килограмм'; *кулáчить* 'раскулачивать'; *как* 'так как'; *Мáй* 'первомайский праздник'; *на покá* 'временно'; *непутёвый* 'несерьёзный, безответственный'; *одёжа; Октябрьская* 'праздник годовщины Октябрьской революции'; *оглоýшить* 'оглушить'; *осенний* 'демисезонный'; *пацáн* 'мальчик'; *покры́ться дáвностью* 'о помиловании за давностью преступления'; *прочúкать* 'протыкать, пробить; эвфемизм к *проебать*'; *поклáсть* 'положить'; *похорóнка; полýчка; Победа* 'праздник победы над Германией'; *с* 'из' (*прийти с армии*); *своровáть* 'украсть'; *сэвакуúровать* 'сов. вид к *эвакуировать*'; *стачка* 'давка' (?); *спецóвка* 'спецодежда'; *сладкоéжка* 'любитель, любительница сладкого'; *сарáйка; тридцáтка* 'доска толщиной 30 миллиметров'; *утащúть* 'унести'; *цóп* 'цап (междометие)'; *чё* 'что'; *шкýра* 'кожа'; *шмýтки* 'имущество, вещи'. Итого лексика городского и общерусского просторечия насчитывает в тексте 45 единиц, что сопоставимо с числом диалектизмов.

К этому надо добавить просторечные морфологические формы и акцентные варианты: *туннéль* - жен. рода; *грáмм* вместо *граммов; годóв* вместо *лет; плóтишь, плóтит* вместо *платишь, платит; килóметр; свеклá; полóжила*. Эти формы и варианты принадлежат также не собственно городскому, а общерусскому просторечию.

Из сказанного можно как будто заключить, что по крайней мере на лексическом уровне противопоставление диалектного текста и текста на «первичном» просторечии создаётся не за счёт лексики собственно просторечной, которой не так много и которая к тому же большей частью не является сугубо городской, а за счёт книжно-литературного и производственно-терминологического словаря. Но производственно-терминологические и литературно-книжные слова заметно проявляют себя и в современной диалектной речи. Напомню, что в «Автобиографических записках» В. А. Плотникова число употреблений слов этого типа примерно равно числу употреблений диалектизмов, а литературно-книжных фразеологизмов и клише даже больше, чем диалектных. Таким образом, оценивая различие между текстом на диалекте и текстом на «первичном» городском

просторечии, приходится учитывать не уровень употребительности книжно-литературной лексики и терминов, а структуру функционирования лексики ненормативной. И вот здесь мы видим существенное различие: если у В. А. Плотникова ненормативная лексика - это в основном диалектизмы, то у М. Н. Колтаковой диалектные и просторечные элементы приблизительно уравновешивают друг друга.

Но с наибольшей силой острая характерность «первичного» городского просторечия, его кризисный, «сырой», «нескладный» облик обнаруживается в синтаксисе. Это ощущается даже на чисто интуитивном уровне. На уровне же аналитическом уже на начальной стадии проникновения в материал выявляются по меньшей мере две ярких синтаксических особенности рассматриваемой разновидности языка: экспансия зависимого номинатива и унификация управления в синонимических рядах.

Первая из этих особенностей проявляется уже в начальной фразе воспоминаний: *Я, Мария Николаевна Колтакова, родом Северный край, Никольский район, Нижнекемский сельсовет, деревня Путилово.* Такого рода «управлению» именительным падежом *(родом край)* - явное следствие знакомства с языком анкет, бланков прописки, больничных карточек и тому подобной документации, с которой в изобилии сталкивался советский и сталкивается российский гражданин. В данном конкретном примере, когда речь идёт о географических названиях, можно усмотреть ещё и влияние языка фронтовых сводок Советского информбюро, избегавших косвенных падежей топонимов в интересах иностранной прессы. Влияние это нельзя недооценивать. Помню, как в 60-х годах директор школы, в которой я работал, бывший кадровый офицер, прошедший войну - всегда говорил: *живёт в Степное, доехал до Песьяное.*

Впрочем, если здесь могло сказаться влияние сводок времён войны, то во многих других случаях оно явно ни при чём. Да и в сводках именительный падеж топонимов лишь частное проявление нелюбви канцелярского языка ко всякого рода склонениям. Так или иначе, но «управляемый именительный» далеко не ограничивается сферой топонимики, что видно хотя бы из следующего примера: *Браслет состоит - полоска, 2 слоя корда и 2 слоя резины, получается браслет.* Нарушение грамматических норм в конструкциях с обобщающим словом при перечислении любого типа характерная особенность канцелярского и вообще делового языка в его низших разновидностях. Ср. хотя бы распространённость таких рядов,

как *Наша задача укрепление дисциплины, повысить производительность труда, а также в том, чтобы были сокращены простои оборудования*. Такого рода конструкции нашим рабочим приходится слышать из уст людей, получивших отнюдь не один класс образования! Но эти люди - зачастую тоже горожане в первом поколении, и подобная манера выражаться у них - проявление того же «межеумочного», кризисного состояния языка, хотя и на несколько более «высоком» уровне.

О том, что это так, что подобные вещи характеризуют и речь более образованных горожан первого поколения, свидетельствуют, в частности, предоставленные в моё распоряжение писателем В. Н. Мурзаковым мемуары его родственницы М. А. Щербаковой, в молодости сельской учительницы: они тоже содержат подобные конструкции. По мере расширения исследуемого материала можно будет, видимо, проследить вариантность этого явления и его распространённость в текстах людей с разным образовательным уровнем, но в том, что явление это для «первичного» просторечия характерно, сомнений быть не может. Приведу ещё ряд примеров с «зависимым номинативом» из воспоминаний М. Н. Колтаковой: *увели в лес, в избушку - 4 километра* (вместо *за 4 километра*); *и из Вострова всех, кто молился: молодые девушки, женщины, мужчины всех арестовали* (вместо *молодых девушек, женщин, мужчин*); *военный завод - брат работал* (вместо *на военном заводе*); *а Иван в Волгоградской области, село Батырь* (вместо *в селе*); *мы жили - он - четыре километра - Вострово деревня* (вместо *от нас он жил за четыре километра, в деревне Вострове*). Список примеров не является исчерпывающим: есть и другие случаи подобного характера.

Другая яркая черта рассматриваемого типа просторечия унификация управления в синонимических рядах и, шире, в лексико-семантических группах. Она проявляется не столь обильно, но очень показательна для уровня языкового мышления носителей этого типа языка с их предпочтением «существа» при полном невнимании к «форме». Имеются в виду такие случаи, как *учить к этому* (ср. *приучать к этому*); *забрали в тюрьму... уже под войну* (ср. *под вечер*; у слова *война* здесь актуализирована временная сема): *письма из дороги* (ср. *из поезда*); *напишу на тебя* (ср. *нажалуюсь*); *наделил огород* (ср. *выделил*); *подать на суд* (ср. *на комиссию, на расследование*); *спуститься с парашютов* (ср. *с лестницы* 'с помощью лестницы'); *быть в*

Украине (ср. *в Белоруссии*). Как видно из примеров, унификацию управления может вызывать наличие синонимов как у главного, так и у зависимого слова словосочетания, а также и наличие синонимичных предлогов. Причиной унификации может быть и вхождение слова в одну лексико-семантическую группу с иначе управляющим или с иначе управляемым словом.

Конечно, оба эти процесса свойственны и просторечию вообще, и отчасти диалектам, но в указанной разновидности просторечия они проявляют особую активность. Цепочки именительных падежей особенно деформируют фразу, превращая её в некий пунктир, в некое подобие «пунктов плана».

Труднее уяснить, свойством ли данной разновидности речи в целом или же спецификой идиостиля мемуаристки является отрывистая, аритмичная, как бы задыхающаяся фраза, характеризующая манеру воспоминаний с начала до конца, в устном и письменном вариантах. Сравнение с речевой манерой М. А. Щербаковой позволяет склониться скорее к мысли об индивидуальном характере данной особенности.

Из других особенностей языка воспоминаний М. Н. Колтаковой сто́ит остановиться ещё на одном моменте, касающемся осознания семантической структуры слова. Лексикологам знакома идея о том, что в древности слово осознавалось как синкрета, то есть как обозначение всей суммы признаков предметов того или иного класса, известных носителю языка (скажем, слово *муж* обозначало всех известных носителю языка мужчин со всеми известными ему признаками каждого из них)[5]. Лишь позднée рефе́ренты единого слова-синкреты начинают подразделяться на группы - ещё нечёткие и не всеми одинаково осознаваемые. (Так, начинают подразделяться 'мужи вообще' - теперешние *храбрые мужи, мужи науки* - и 'мужи, имеющие жён' - теперешние *мужья*). В. В. Колесов называет такую стадию развития семантической структуры слова многозначностью, но едва ли это многозначность в привычном значении термина, поскольку речь идёт о переходном, тоже в своём роде кризисном состоянии слова, когда в результате различных семантических перегруппировок из синкреты в конце концов возникает знак понятия, из слова-«суммы» рождается слово-«произведение», в котором несущественные для класса признаки определены уже

---

[5] Колесов В. В. Древнерусский литературный язык. Л., 1989; Он же. Исторические основания многозначности слова и лингвистические средства ее устранения // Русское семантическое словообразование. Ижевск 1984. С. 18 - 28

чётко и «вынесены за скобки», не входят больше в значение слова как языковой единицы. Эту переходную стадию между синкретой и гиперонимом лучше, может быть, назвать, например, прогиперонимом. Но, имея в современном языке дело со словом-гиперонимом, мы не должны забывать, что «в снятом виде» синкрета продолжает существовать и свидетельства этого способны проявляться иногда довольно ярко в художественной речи и в архаическом языковом сознании «наивного» носителя языка.

На мой взгляд, именно такой случай имеет место в эпизоде, когда, беседуя с Марией Николаевной, я натолкнулся на необычное употребление слова *стачка* и попросил его объяснить. Кроме литературного 'забастовка', мне известно было у данного экспонента устарелое и диалектное значение 'сговор', но в контексте рассказчицы ни то, ни другое не обнаруживалось.

Вот объяснение моей собеседницы, полученное в ответ на вопрос, что такое стачка: «Во время войны. Люди бежали [от бомбёжки] туды все, те туды [показывает руками в разные стороны]. Бомбят! Как вот, куда бежали?.. [Пожимает плечами]. Вот так он [брат Тарас] и сказал: говорит, как выкрутили меня... и сдавили грудь сильно. Детей, женщин, говорит, топтали, давили. Сколь людей, говорит, потоптали. Вот такая вот стачка была». Тут *стачка* - синкретичное название конкретного события со всеми его деталями: не только давка вообще, а и бомбёжка (то есть причина давки, а ещё не она сама), и сдавленная грудь брата, и гибель женщин и детей, и т. д. Это и есть живое проявление синкретичного видения семантики слова.

Конечно, столь беглые замечания не охватывают всех языковых особенностей текста М. Н. Колтаковой. Моя задача здесь ограничивается анализом наиболее бросающихся в глаза фактов, позволяющих характеризовать этот материал как отражение специфического и ещё мало осмысленного языкового состояния. Я лишь хотел бы привлечь внимание коллег к этому состоянию, кризисному и «неэстетичному», но в чём-то и судьбоносному.

3. Воспоминания как литературное произведение

Я уже отмечал, что как литературное произведение воспоминания М. Н. Колтаковой заметно уступают запискам В. А. Плотникова. В них нет внутренней композиционной

пружины: композиция чисто внешняя, хронологическая, да и то с частыми перебивами последовательности рассказа.

Но если говорить о концепции личности, то она очень близка концепции В. А. Плотникова: для М. Н. Колтаковой настоящий человек - это также человек труда. В труде старая работница видит главный смысл и ценность человеческой жизни. Она гордится тем, что в свои восемьдесят с лишним лет «не сидит по лавочкам», что сохранила способность и любовь к труду. Если же говорить об отличии её взгляда на человека, то можно заметить, что взгляд Марии Николаевны является менее личностным, более «соборным»: своих героев она именует почти всегда по их социальным ролям (в родственных отношениях - *брат, сестра, сват, золовка, зять* и т. п., в общественных, производственных - *начальник, директор, бригадир, председатель колхоза* и т. п.). Это особенно ярко проявлялось в первом варианте мемуаров и сильно затрудняло их понимание. В самом деле, у мемуаристки было шесть сестёр, доживших до зрелого возраста, и без собственного имени часто невозможно было уяснить, о какой же сестре идёт речь в том или ином эпизоде. Правда, когда Мария Николаевна по моей просьбе стала называть своих героев именами собственными, оказалось, что и это не всегда помогает делу: среди её героев оказалось 13 *Иванов* (при этом *Иванами* были оба её мужа), 7 *Александров*, 5 *Марий*, столько же *Николаев*, столько же *Василиев* и столько же *Анн*! «Соборность» как широко признаваемое свойство русского менталитета проявляется, очевидно, и в узости именника. Имя собственное при этом легко превращается в обозначение некоторого социального типа и легко превращается в нарицательное (ср. *иваны* как обозначение русских, *вася, феня, клава* как обозначение простодушных типов). Замечу, что эта черта - узость именника и как следствие переход собственных имён в нарицательные - сохраняется и сегодня, хотя состав типичных имён изменился (ср. такие обозначения фатоватого ужажёра, как *эдик, стасик, жорик*). Привычка называть человека не индивидуальным, а социальным именем проявляется и у В. А. Плотникова, но несравненно меньше. Возможно, у М. Н. Колтаковой это связано и с женской спецификой восприятия жизни: для женщины социальный, в частности, семейно-родственный статус человека и связанная с этим статусом «прагматика» (обязанности, отношения, ожидания) зачастую важнее личностных свойств.

При относительной слабости в качестве собственно литературного произведения мемуары М. Н. Колтаковой представляют интерес для литературоведа как документальное свидетельство типичности целого ряда ситуаций, отражённых советской литературой. Мы встречаем в воспоминаниях по меньшей мере три эпизода, явным образом перекликающихся с сюжетами известных произведений советских писателей: это «ситуация бабьего бунта», «ситуация Павлика Морозова» и «ситуация Павки Корчагина».

«Ситуация бабьего бунта» особенно близка той, что описана в «Поднятой целине» М. Шолохова. Разница только в том, что бабы водят по деревне и бьют не одного, а двух коммунистов. Конечно, и сами коммунисты у Марии Николаевны выглядят куда менее привлекательно, чем Семён Давыдов, да и следствия бунта оказываются гораздо более печальными, но сама по себе ситуация возникала, очевидно, во многих и многих местах: не может же быть простым совпадением рассказ знаменитого донского писателя и безвестной вологодской крестьянки, никогда не читавшей «Поднятой целины»!

«Ситуация Павлика Морозова» выглядит несколько иначе, чем в хрестоматийных советских повествованиях о трагедии в Герасимовке. Теперь уже ясно, что реальный мальчик, зарезанный вместе с маленьким братом в глухом уральском селе, имел мало общего с «героическим доносчиком», возникшим под пером журналистов, а затем прозаика В. Губарева и поэта С. Щипачёва[6] Но нам важно не это, а то, что бегство крестьян из раскулачиваемой деревни по подложным справкам было, видимо, тоже типичнейшим явлением эпохи. Показательно, что лодыря Александра Вязникова, выбившегося в секретари сельсовета, мемуаристка называет «хорошим», хотя тут же сообщает, что справки он выдавал за большие взятки. За взятки он сурово поплатился, а сколько народу спас! Так что есть истина? Что есть добро и зло, уважаемые пропагандисты «общечеловеческих ценностей»? Может быть, простодушные воспоминания старой работницы заставят вас задуматься над этими вопросами, как «цыгана дикого рассказ» заставил пушкинского Алеко задуматься над тем, «что такое слава»

---

[6] Из следующего выпуска «Народных мемуаров», который я сейчас готовлю, - воспоминаний сельского учителя А. У. Астафьева - читатель узнает (быть может, не без некоторого шока), что с сельскими активистами иной раз расправлялись и... коммунисты если те позволяли себе работать лучше, чем «организаторы и вдохновители всех наших побед».

вопросом не менее вечным, но, кажется, менее всё-таки злободневным?

Под «ситуацией Павки Корчагина» я подразумеваю случай, когда болевшую несколько месяцев Марию Николаевну без её ведома уволили из цеха: читавшие роман Н. Островского помнят, конечно, как Павку, пока он лежал в тифу, сочли умершим, исключили из комсомола и не хотели восстанавливать, когда он объявился живым. Избавиться от неудобного, лишнего или даже просто безразличного вам человека, пока он отсутствует, любимая привычка наших начальников, которую и я не раз испытал что называется на своей шкуре. Н. Островский в этом эпизоде сумел показать одну из типичнейших черт ещё только нарождавшейся, но уже обнаружившей свою подлую бесчеловечную суть послеоктябрьской бюрократии. Комсомольская организация или завод, школа или университет - лик этой породы везде одинаков, и воспоминания, лежащие перед вами, ещё одно тому свидетельство. А заодно и свидетельство того, что литература «социалистического реализма» даже в лице самых «канонических» своих произведений - не такое уж простенькое явление.

Искусственное возвышение рабочего класса как «гегемона» в годы диктатуры КПСС привело к тому, что в советской художественной литературе рабочая тема так по-настоящему и не была освоена: писатели, которые могли бы создать правдивые, а не сусальные образы представителей заводского люда, всё время находились под Дамокловым мечом возможности обвинений в клевете на «наш героический рабочий класс». Спасибо В. Маяковскому: он ещё успел вслух сказать, что «класс - он тоже выпить не дурак». Попытки же П. Нилина и немногих других писателей и кинематографистов изобразить живых рабочих кончились плохо: вспомним хотя бы постановление ЦК ВКП(б) о кинофильме «Большая жизнь». По этой причине каждая документальная книга о жизни рабочих советской эпохи представляет собой особенную ценность.

Конечно, человеческие отношения и их специфику в рабочей среде М. Н. Колтакова изображает довольно неумело. Характеристика достоинств близких ей и уважаемых ею людей часто сводится к формуле *не пьёт, не курит*, а изображение дружеских отношений - к манере празднования торжественных дат: *испечём чего вкусное, отметим*. Однако узнаём мы и о высокой оценке Марией Николаевной такого качества, как неспособность бить людей. С глубоким уважением вспоминает

она своего товарища по работе на лесоповале Михаила, который впоследствии, когда началась война, говорил: «Если меня возьмут на фронт, я в немцев стрелять не буду: они же люди, не могу я в человека стрелять. Лучше пусть меня застрелят» Эта же черта привлекает её и в Иване - её женихе, а затем муже, который уходит из милиции потому, что не способен ударить человека. При этом не надо, конечно, смешивать идеалы и реальную жизнь: в реальном обиходе Мария Николаевна отнюдь не является непротивленцем. Но непротивление злу как идеал, убеждённость в том, что зло, даже и необходимое, родит только зло, - это в её моральном сознании присутствует совершенно явственно.

Мы узнаём и о тех сложностях, которые порождает в отношениях между рабочими широко распространённое на производстве воровство (история с расхищеннным инструментом, с товарищеским судом). Есть определённые штрихи, отражающие взаимоотношения рабочих и администрации. Выразителен и характерен эпизод стычки Марии Николаевны с начальником лесоучастка на лесозаготовках во время войны.

Несколько замечаний о жанровых особенностях книги. Когда мемуары пишет прострой человек, понятно, что о чистоте жанра он заботится меньше всего. В мемуарах В. А. Плотникова я отмечал некоторые черты эпистолярного жанра. В воспоминаниях М. Н. Колтаковой можно заметить некоторые черты жанра агиографического.

Первая из этих черт связана с реальным, но в чём-то символическим стечением обстоятельств рождения Марии Николаевны: мать родила её и её брата-близнеца в овечьем хлеву. «Как Иисуса Христа!» - смеясь, не раз повторяла Мария Николаевна. (Мария, рождённая, как Христос!)

Вторая черта житийного жанра уже собственно литературного, именно агиографического происхождения: это упоминание о том, что когда епископ Ерофей, раненный милиционером при аресте, умер, то в больничной палате, где он лежал, «как солнце просияло». Легендарность этого эпизода очевидна, тем более что исходит он из вторых уст - рассказан со слов тётки Марии Николаевны, сестры её отца Анны. Здесь перед нами, конечно же, дань традиционному финалу жития святого. Мученичество Ерофея, которого с тяжёлым ранением в голову везут на голой и тряской телеге, факт, конечно, реальный, но тоже вписывающийся в агиографическую

стилистику: осатаневшие «вои» осатаневшей власти едва ли в чём-то уступают палачам Христа или древних христианских мучеников, когда ранят безоружного и не оказывающего сопротивления священнослужителя «и бьют головою о выступы тьмы» в назидание сынам и дочерям приснодевы Руси - тем, чьими предтечами были пахари, а потомками стали перекатчицы прокладки на шинном производстве.

4. Воспоминания как исторический источник

Будучи не какими-то «типичными представителями», а живыми людьми, авторы народных мемуаров, конечно, обнаруживают определённый круг индивидуальных качеств, не характерных или не очень характерных для их среды. Так, религиозность больше сохранилась в среде советского крестьянства, чем в среде советского рабочего класса, однако крестьянин В. А. Плотников ещё в юные годы порвал с церковью и религией, а вот работница М. Н. Колтакова - человек глубоко верующий, в отличие от большей части её рабочего окружения, в том числе и от заводских подруг. И всё же в целом судьба Марии Николаевны - обычная судьба рабочего человека в Советском Союзе.

Эта обычность состоит прежде всего в крестьянском происхождении. Обычна и многодетность крестьянской семьи и как следствие - необходимость нанимать работников, пока не подросли дети. (Ср. подобную ситуацию в родительской семье В. А. Плотникова в 1913 г.). Непреложная власть отца, раннее привлечение детей к труду (см. особенно эпизод выделки кирпича домашним способом) и при этом почти беспрекословное приятие этой судьбы (исключение разве что материнский протест против избиения дочери отцом) - всё это типично для крестьянского быта начала века и, как видим, первых советских лет.

Я думаю, исторической науке ещё предстоит выяснить до конца, что собой представляли первые сельские коммунисты. Среди имён коммунистов, боровшихся за установление советской власти, мне приходилось не раз слышать имена, произносившиеся с искренним уважением. Но среди партийцев, проводивших коллективизацию, в живых рассказах о той поре чаще всего фигурируют либо какие-то пришлые, никому не известные люди, либо деревенские лодыри. Именно таких коммунистов первыми увидела и запомнила Мария Николаевна.

В этом смысле её воспоминания пополняют имеющийся материал ещё и важными фактами беспредела коммунистов подобного сорта, нарушения ими даже собственных законов: расстрел четверых мужиков, которых надо было доставить в город для суда; угроза карателей сжечь село за укрывательство священника, только лишь подозреваемого в подстрекательстве к «бабьему бунту»; массовый арест жителей без выяснения их причастности к бунту и затем их массовая гибель в тюрьме - всё это факты, перед которыми бледнеют даже картины раскулачивания.

Типичней, чем это обычно думают, и обстоятельства первого приобщения сельской жительницы к собственно рабочему быту - работа на лесоповале. Как правило, лесоповал ассоциируется либо с профессинальными рабочими-лесорубами, либо с Гулагом. Однако привлечение к лесозаготовкам колхозников тоже было в порядке вещей вплоть до конца сталинской эпохи. Условия их работы в воспоминаниях М. Н. Колтаковой изображены достаточно хорошо, хотя ряд выразительных деталей время от времени всплывает в её разговорах, и приходится жалеть, что они не вошли в текст мемуаров. Таков, например, услышанный мной уже после завершения работы над текстом рассказ о том, как она, молоденькая девушка маленького роста, вместе с мужчинами «боролась с этими ёлками в два обхвата», когда они валились не куда надо, а куда ветер дует: уперев в живот жердь, лесорубы и лесорубки заставляли дерево падать в нужную сторону - «я себе всё брюхо истыкала».

Обстоятельства переезда семьи Парфёновых в город показывают, что Мария Николаевна и её родственники не были из числа тех «очарованных городом душ» (Б. Ручьёв), которых призвал в ряды рабочего класса энтузиазм первых строек сталинских пятилеток: переезд был вынужденным и полуподпольным. Уже говорилось, впрочем, что и это ситуация достаточно распространённая. По данным официальной статистики, до половины прироста численности рабочего класса в этот период приходилось на выходцев из деревни[7] Официальная пропаганда тех лет утверждала, что кулаки едут в города, чтобы заниматься на производстве вредительством, а между тем если бы не приток этой наиболее работящей части крестьянства на заводы и фабрики, то в тех условиях, в каких жил

---

[7] История советского рабочего класса / Главн. ред. С. С. Хромов. М., 1984. Т. 2. С. 192 - 193.

тогда рабочий класс, едва ли бы удалось достичь того, чего достигла социалистическая промышленность к началу войны. Воспоминания М. Н. Колтаковой это ярко показывают (кроме истории самой мемуаристки и её жениха, а затем мужа, показательна в этом смысле и история с беглым «кулаком» - мужем её сестры Александры, который стал передовиком производства).

Воспоминания старой работницы опровергают некоторые утверждения, ставшие общим местом советской историографии рабочего класса. Так, в пособиях по истории СССР в один голос говорилось, что безработица в Советском Союзе исчезла к концу 20-х годов (в 1930 закрывается биржа труда). «Безработица в СССР была уничтожена полностью и навсегда», - победоносно утверждают, например, авторы посвящённого этому периоду раздела в «Истории советского рабочего класса»[8]. Между тем в середине 30-х, когда М. Н. Колтакова переезжает в Ярославль, люди ночуют у отдела кадров Ярославского шинного завода, а в 1939 г. три с половиной тысячи рабочих-шинников, в том числе и Мария Николаевна, за несколько дней теряют работу из-за недопоставки немецкого каучука.

Кстати, тоже примечательная деталь: сколько в своё время говорилось о том, что советские химики создали собственный синтетический каучук и обеспечили независимость СССР от иностранных поставок! Между тем Мария Николаевна рассказывала, что советский каучук «никак не слипался», производительность труда и качество продукции при попытках его использования резко снижались.

Конец 20-х годов называют и сроком ликвидации беспризорщины. Между тем ярославская милиция в конце 30-х занимается отловом и избиением беспризорных подростков, живших, как и наши теперешние бомжи, у теплотрасс и промышлявших мелким воровством.

А ужасающие жилищные условия! Можно себе представить хотя бы ту же сексуальную жизнь советского рабочего, если молодая супружеская пара спит в одной комнате с четырьмя холостыми парнями. Землянки, теснота, отсутствие элементарных удобств - и это в одном из центральных городов России, в нескольких часах езды от Москвы. Конечно, о

---

[8] Там же. С. 200.

«квартирном вопросе» у нас писалось немало, но одно дело цифры статистики, а другое - то, что за ними реально стоит*

Среди эпизодов начала войны в воспоминаниях привлекает внимание случай с высаженными на парашютах в Ярославль двумя мужчинами, будто бы немецкими шпионами. Даже малограмотная и далёкая от политики Мария Николаевна заметила странного человека, который сидел и что-то чертил средь бела дня на улице. А уж бдительные студентки-комсомолки, конечно же, сразу сообщили о нём куда следует. Дальнейшее мемуаристка явно пересказывает со слов газет или радио: этого шпиона сознательные комсомолки помогли задержать, а другому несознательные подростки, польстившиеся на деньги, показали дорогу к военным заводам и мосту через Волгу, он сумел передать свои чертежи, и вот теперь, дескать, поэтому мост и заводы бомбит немецкая авиация!

В 1956 году, в мирное время, в глубоко провинциальном Кургане я был задержан милицией за то, что на окраине города рисовал здание водопровода: «военный объект»! Какой же профессиональный разведчик в такой стране, да ещё в военное время, да ещё в прифронтовом городе у всех на виду стал бы чертить планы военных - действительно военных - объектов! Ясно, что это была инсценировка НКВД, рассчитанная на проверку бдительности советских людей и поиск среди них ещё парочки-другой врагов народа. Известно, как плохо работала советская контрразведка в канун войны: налегая на мнимых врагов народа, она начисто проглядела настоящих шпионов, так что немецкой армии оказалась известна дислокация всех наших авиационных частей. Теперь все знают, чем это кончилось - практически полной гибелью советских самолётов ещё до того, как они успели подняться в воздух. И вот, не умея ловить настоящих вражеских разведчиков, ведомство Берии подбрасывает театральных шпионов.

Проверка этого и подобных фактов (а я не раз слышал о похожих эпизодах от разных людей) помогла бы установить истинный объём романтических игр нашей госбезопасности и

---

* Признавая наличие жилищных трудностей, авторы официальной исторической литературы тем не менее беспардонно приукрашивали условия рабочего быта тех лет. См., напр.: Лапицкая С. Быт рабочих «Трёхгорной мануфактуры». М., 1935. История советского рабочего класса. М., 1984. Т. 2. С. 251. Живые детали тяжёлого быта 30-х годов временами прорываются в кн.: Были горы Высокой. Рассказы рабочих Высокогорского рудника о старой и новой жизни. М., 1935.

истинную меру подмены настоящей работы этим подлым театром. Думаю, объём не так уж мал.

Получив в 1942 году письмо о гибели мужа и выйдя после войны замуж за инвалида, Мария Николаевна не может оформить свой второй брак, поскольку на первого мужа нет похоронной. (Безвестное отсутствие первого супруга в подобных случаях устанавливается через суд, но малограмотной женщине судиться не с руки, тем более что и письмо о гибели мужа не сохранилось).

Похоронная - это как будто знак беды. Это слово накрепко ассоциировалось у нас с трагедией. Но в каком-то смысле похоронная - награда, ведь именно она даёт право на пенсию за потерянного родственника. И далеко не каждая семья солдата, не вернувшегося с фронта, могла получить похоронную. Никогда не забуду одно из первых потрясений от моего знакомства с государственной логикой. Я был ещё ребёнком, когда моя тётка Е. Я. Фадюшина, потерявшая на войне двух сыновей, но похоронную имевшая только на младшего, пыталась получить её и на старшего. Помню, с каким недоумением читал я ответ, присланный на её запрос из военного министерства: «Ваш сын Фадюшин А. Д. в списках погибших, умерших от ран и пропавших без вести не числится». По моей детской или просто человеческой? - логике выходило, что если не вернувшийся из боя солдат не найден убитым и не подобран раненым, значит, это и есть пропавший без вести. Оказывается, государство вкладывает в понятие «пропавший без вести» какой-то иной смысл - увы, так мной и не постигнутый. Во всяком случае, Иван Николаевич Колтаков, погибший, по свидетельству боевого товарища, 19 марта 1942 года, был признан пропавшим без вести только в 1995 году. С этого года Мария Николаевна и стала получать за него пенсию. О том, что государство ей задолжало за 53 года, - об этом, разумеется, и речи не зашло!

О рабочем режиме во время войны говорилось уже в мемуарах В. А. Плотникова: хотя введённый перед войной 8-часовой рабочий день, уже увеличенный против установленного сталинской конституцией 1936 года на целый час[10] правительство в условиях войны разрешило увеличить

---

[10] 7-часовой рабочий день на предприятиях промышленности был введён ещё в 1928 - 1929 гг. (см. История советского рабочего класса. М., 1984. Т. 2. С. 247), но в 1936 г. получил статус конституционной нормы, что, впрочем, не помешало его затем отменить простым распоряжением исполнительной власти!

ещё на 2 - 3 часа, но фактически на многих производствах он был ещё больше и достигал 12-часовой продолжительности. Из воспоминаний М. Н. Колтаковой мы узнаем ещё и о том, что выходные рабочим лесоповала предоставлялись раз в месяц. Троудармейцы на таких же работах пользовались еженедельным выходным (знаю это по службе в трудармии моего отца), а вот для лесорубов, согнанных из колхозов, такое, видимо, считалось роскошью. О рабочем дне и выходных в колхозах говорить не приходится: там городские нормы даже юридически не действовали, фактически же была ситуация, описанная во времена крепостничества А. Н. Радищевым. На свой огород «надо в три часа ночи до пяти утра, а потом - на колхозную работу», - повествует Мария Николаевна. Вот только на женщинах при Радищеве ещё не пахали.

Одна из важнейших проблем советской истории - это проблема повального воровства на социалистическом производстве, другими словами вопрос о том, почему при всеобщем понимании несомненного факта, что частная собственность порождает человеческую вражду, идея общественной собственности очень быстро и очень основательно провалилась.

Будучи рядовой работницей и к тому же очень далёкой от всякой общественной активности, М. Н. Колтакова могла в своих воспоминаниях затронуть только проблему «несунов», хотя, конечно, больше расхищали с заводов и фабрик, так сказать, «везуны», то есть те, кто по своему положению мог тащить не на себе, а вывозить машинами и вагонами. Но и в теме о «несунах» мемуаристкой сказано не всё: где-то удерживали этические соображения, а где-то и просто страх. В мемуарах изложен эпизод, когда Марию Николаевну, имевшую неосторожность повторить слова одной из работниц о воровстве начальницы швейной мастерской, привлекли к товарищескому суду. На этот эпизод мы вышли, просматривая рекламный проспект завода «Омскшина»[11]: увидев в нём портрет одной из передовых работниц завода И. И. Орловой, Мария Николаевна сказала, что однажды Ирина Ивановна её очень выручила. Но и этот эпизод почти сорокалетней давности был включён в воспоминания только после моих настойчивых просьб. (Фамилии ныне здравствующих участников дела заменены инициалами).

---

[11] Омское ордена Ленина производственное объединение «Омскшина» / Сост К. А. Найдин, Г. А. Путинцева. Омск, 1982.

Потом Мария Николаевна рассказывала и о том, насколько разработана была технология «выноса»

Так, работники швейной мастерской выносили мануфактуру в мешках для мусора на заводскую свалку, оттуда эти мешки вывозили на мусорных машинах за пределы заводской территории, а уж там передавали по назначению. Такая вот существовала цепочка. Была и кража швейных машин через окно цеха. В других цехах, видимо, были другие приёмы. Не приходится сомневаться, что есть они и сегодня, когда «вынос» для многих рабочих стал уже не дополнительным, а основным источником существования (по крайней мере, там, где ещё есть что «выносить»).

Рассказывала старая работница и о постоянном «выносе» продукции с мясокомбината, где работала одна из её знакомых. Впрочем, кража колбасы и других изделий мясокомбинатов - факт широко известный: им даже пытались объяснить в своё время дефицит мясных продуктов в стране. В смысле технологии тут тоже ничего интересного: просто вынос под одеждой.

Наконец, ещё один эпизод, не включённый в воспоминания из чувства страха. Один из родственников Марии Николаевны (которого я, в соответствии с её просьбой, не стану называть) во время войны был в плену. Вернувшись, он избежал, в отличие от многих, отечественного концлагеря, но соседи и знакомые его ненавидели и называли фрицем. Почему? «Работал на немцев». У нас много теперь пишется о преследовании бывших пленных коммунистическим режимом, но вот перед нами ситуация, когда «народ и партия едины».

Подчеркну, что это не единичный факт. Отношение простого народа к побывавшим в плену - вовсе не такой уж простой вопрос. Помню, в 70-х годах я довольно резко спорил с литературным критиком В. С. Перцовским об оценке поэмы А. Еранцева «Голодный остров»[12]. Сюжет поэмы таков. Колхозница, потерявшая во время войны сына, вдруг получает письмо, что тот жив и после плена остался за границей. Сын просит привезти ему горсть родной земли, и мать отправляется в путь, набрав земли целый мешок. Но когда сын продаёт эту землю соседям-эмигрантам, чтобы выручить деньги для оплаты пути на родину, - мать его отвергает и возвращается одна. Критик назвал идею поэмы «чудовищной», а между тем трудно судить

---

[12] Поэма опубликована в сб.: Еранцев А. Глубокие травы. Курган, 1971.

народ, потерявший столько людей убитыми, если он отвергает тех, кто остался в живых ценой плена. Что пленные! Разве не приходилось каждому из нас бывать свидетелем попреков в адрес оставшихся в живых участников войны, когда те пытаются использовать своё право пройти без очереди в магазине, в больнице, в собесе? Можно ли у солдатских вдов, у детей, выросших без отца, наконец, у последних живых ещё солдатских матерей вытравить эту проклятую мысль: «Наших-то вот убили, а вы...»

В эпизоде со строительством дома вновь всплывает вопрос, как же вырывает наш рабочий то, что ему недодаёт государство. Измученная жизнью на частных квартирах, Мария Николаевна решает строить собственный дом. Но на что покупать лес жене инвалида, получающего 4 рубля 50 копеек пенсии за участие в войне, с которой он пришёл без ноги? «Нашла на Северных улицах: дядя наловил с Иртыша и продал нам...» О чём идёт речь? При молевом сплаве леса (то есть без связки в плоты) часть брёвен намокает и тонет, загнивая на дне, часть превращается в висящие под водой «топляки», создающие опасность для речных судов, а часть выбрасывается течением на берег. Сплавщики время от времени проплывают по реке на лодке и баграми стягивают эти брёвна обратно в воду, чтобы они снова плыли к месту назначения. Но поскольку бывает это мероприятие редко (не чаще раза в месяц, если судить по моим собственным наблюдениям на реке Унже)[13], то выброшенные на берег брёвна растаскиваются жителями прибрежных сёл и городов на свои нужды. При наличии лодки можно, конечно, наловить и плавающих бревен. Вот такой-то лес и продаёт, очевидно, по доступной цене «дядя» с Северных улиц Омска предприимчивой, но бедной работнице.

Во всех эпизодах, связанных с городской жизнью мемуаристки, постоянно упоминается мотив прописки. Обязательная регистрация гражданином места своего проживания в органах милиции давно превратилась в одну из наиболее активных форм притеснения людей, особенно тех, кто приезжает в город из деревни. При этом прописка, вопреки всем законам, стала фактически актом, дающим право проживания на данной жилплощади (хотя по закону таким актом является получение

Унжа исстари была одной из главных сплавных рек центральной России, а унжинский лес славился высшим качеством. См. об этом, напр., в романе А. Мельникова-Печерского «На горах».

ордера или согласие владельца жилого помещения). А поскольку города в нашей стране растут и растут, то соответствующие чиновники имеют на прописке слишком большой «навар», чтобы допустить её отмену. Обещания демократов на этот счёт остаются пустым звуком. была лишь попытка переименовать прописку в регистрацию, но, во-первых, это напоминает пословицу про хрен и редьку, а во-вторых, и этот чисто лингвистический трюк вряд ли удастся. Слова *прописка, прописать, прописаться, получить прописку* так прочно вошли в русский язык, что обросли уже и производными. В газетном языке *прописаться* значит 'прижиться', в уголовном жаргоне - 'выдержать издевательства заключённых при поступлении в камеру новенького' Прописка ещё не перевёрнутая страница истории советской системы и «советского» языка.

Не замалчивает М. Н. Колтакова и положительных сторон советской жизни. Возможность для простого рабочего человека длительно лечиться в клиниках и на профсоюзных курортах, давать даже при самых скромных доходах хорошее образование детям, пусть скудная, но гарантированная пенсия в старости, относительно низкий уровень преступности, хотя бы уличной - всё это в той мере, в какой сказалось на её жизни и жизни её близких, тоже отражено воспоминаниями старой работницы.

Типично и то, что семья из северной русской деревни оказалась разбросанной по четырём республикам Советского Союза и в настоящее время родственники Марии Николаевны - граждане разных держав. Можно было уважать или не уважать Советский Союз, но как можно было не уважать советский народ, не считаться с его интересами, затевая расформирование великого государства? Вот ещё один вопрос нашей истории, который закономерно возникает при чтении воспоминаний.

В начале 30-х годов А. М. Горький выступил с инициативой создания истории заводов и фабрик при участии самих рабочих. Этот благородный, но наивный почин хотя и был одобрен официальными инстанциями и упоминался во всех курсах советской литературы, в действительности кончился почти ничем. Было, правда. выпущено несколько книг, из которых к теме воспоминаний нашей мемуаристки ближе всего такие, как «Были горы Высокой», «Быт рабочих «Трёхгорной мануфактуры» С. Лапицкой и «Моя жизнь» А. Корепановой[14] Все их объединяет

---

[14] Корепанова А Моя жизнь. М 1936. Выходные данные двух других книг см. выше.

одна идейная черта: всё плохое в жизни неизменно связывается со старой, а всё хорошее - с новой властью. При всём том сто рабочих авторов «Былей горы Высокой» сумели-таки сказать много интересного и правдивого. Мы узнаём, например, что задержки заработной платы стали печальной реальностью сразу после революции. Конечно, тогда это валили на «контру», но теперь-то мы понимаем: возможность легального, «законного» неуважения к собственности любой, пусть даже заработанной своим горбом, - эта возможность стала настоящей находкой для послеоктябрьской бюрократии, находкой, от которой она не хочет отказываться и поныне, несмотря на смену идеологических ориентиров. Мы узнаём из этой книги и о тяжелейших условиях труда и быта, о характерном для всех советских предприятий приоритете заботы о производстве перед заботой о человеке, узнаём о воровстве и бесхозяйственности, ставших, как мы теперь поняли, неотъемлемыми чертами большевистской экономики. То, что подобные факты в достаточно большом количестве проскальзывают сквозь обычную советскую риторику, стало возможным благодаря стремлению издателей сохранить колорит рабочей речи уральского рудника. Перед нами ещё одно доказательство того, что, как говаривал А. Твардовский, слово -

Оно не звук окостенелый,
Не просто некий матерьял.

А вот в книге А. Коревановой литературная запись её повествования казённым советским языком по сути дела испортила всё[15] Книга явно заидеологизирована, а это подрывает доверие даже и к тем её местам, которые содержат, быть может, вполне реальные факты.

Вот почему в данном выпуске «Народных мемуаров» столь же тщательно, как и в предыдущем, сохраняется речевая манера мемуариста: это повышает не только лингвистическую, но и историческую ценность публикуемого источника.

С ростом засекреченности и всяческой закрытости советских заводов после убийства С. М. Кирова, а ещё больше - в военные и послевоенные годы продолжать начатую А. М. Горьким серию книг стало практически невозможно, и она прекращается. В послевоенные годы дело доходило до того, что даже в

---

[15] На то, что неудачная литературная запись мемуаров способна вести к искажению фактов, указывают и специалисты по источниковедению. См.: Голубцов В. С. Мемуары как источник по истории советского общества. М., 1970. С. 110 - 111

мемуарной - то есть документальной - литературе если речь шла о заводе оборонного значения, его название, а также имена работников заменялись![16]

В какой-то мере условия повседневной жизни заводских и фабричных рабочих отражены разве что исследованиями этнографов. Их библиографию и краткую характеристику можно найти в «Истории советского рабочего класса»[17] Однако сам этот многотомный труд, как и выходившая одновременно с ним «История советского крестьянства»[18], не соответствует своему заглавию: на самом деле это история политики КПСС в соответствующей области, представленная к тому же с позиций самой партии, в лучшем случае история советской промышленности, но никак не тех, кто в этой промышленности работает. Несколько десятков страниц бесхитростных воспоминаний М. Н. Колтаковой дадут читателю больше информации о том, как жили советские рабочие, чем пять вышедших в свет томов внушительного научного издания.

5. Оформление текста в публикации

Несмотря на то, что М. Н. Колтакова закончила всего один класс сельской школы, орфография её гораздо ближе к нормативной, чем орфография В. А. Плотникова, поэтому я не нашёл необходимым воспроизводить текст со всеми особенностями письма. Орфографические погрешности не выходят за рамки обычных ошибок наших школьников и не представляют существенного интереса для исследователей письма. Можно отметить лишь некоторые черты, специфичные для данной рукописи. Это употребление вместо разделительных ъ, ь апострофа, что можно объяснить заменой с помощью апострофа буквы ъ в нашей печати 20-х - 40-х годов. Это, кроме того, написание буквы э в таких словах, как *протэктор, протэз* и даже *эврейкэ*. Отсутствует или почти отсутствует в рукописи пунктуация, нерегулярно употребляются пролисные начертания букв.

Итак, рукописная часть воспоминаний печатается по нормативной орфографии и с нормативной пунктуацией. Что

---

[16] См об этом. Голубцов В. С Указ. раб. С. 8 - 35.

[17] История советского рабочего класса. М , 1988. Т 5. С. 8.

[18] История советского крестьянства / Главн. ред. В П. Шерстобитов. М., 1986 1988 Т 1 - 4. То и другое издания были прерваны перед выходом последнего тома.

касается той части, которая была записана на магнитофон, то, во-первых, как уже сказано, её фрагменты вставлены в соответствующие места повествования, во-вторых, они даются в фонетической орфографии - по тем же правилам, что и запись беседы с сыном в книге В. А. Плотникова, то есть ставятся ударения, не имеющие ударений служебные слова пишутся через дефис, сохраняется общеупотребительное различение строчных и прописных начертаний букв и обычная расстановка знаков препинания. Звук, образующий звонкую пару к *[x]*, обозначается (как и в названной книге) знаком *h*. Особо следует учитывать при чтении тот факт, что в записи последовательно соблюден слоговой принцип графики: это значит, что, например, запись вида *вопшé* читается с мягким *[š']* (*[ш']*) - *[vopš'é]*, чтению же с твёрдым *[š]* (*[ш]*) соответствует запись вида *вопшэ*.

Деление текста на главы произведено издателем. Заголовки глав придумывались совместно с мемуаристкой.

Пользуюсь случаем поблагодарить тех, кто помог совершенствованию издания и выходу его в свет: рецензентов рукописи профессора Омского педуниверситета А. Э. Еремеева, доцентов В. П. Корзун, В. Г. Рыженко и других сотрудников кафедры современной отечественной истории и источниковедения Омского университета - за ценные замечания, инженера Омского шинного завода Л. Г. Стародумову и бывшего сотрудника заводской газеты, ныне доцента Омского университета Г. А. Путинцеву (Кривозубову) - за консультации, касающиеся жизни завода и деталей шинного производства, профессора Омского университета В. Н. Скобелкина - за консультации по вопросам советского права, доцента Л. Н. Гридневу - за консультации по вопросам фольклористики.

Книга публикуется на средства госбюджетной научно-исследовательской темы Омского университета «Народно-разговорная речь современного города» и государственной научной стипендии, назначенной издателю президиумом Российской академии наук.

Б. И. Осипов

Как я прожила жизнь

К моим читателям

Дорогие читатели! Я написала книгу про свою жизнь: хочу, чтобы все знали, как жили простые рабочие в наши годы. Извините: я училась мало - один год. Раньше всё пряли и ткали - учиться было некогда. Написала, как сумела. Желаю всем здоровья и жить всем вам лучше - не как мы жили!

КОЛТАКОВА.

10 июня 1996 г.
Омск.

К моим читателям

Дорогие читатели я написала книгу про свою жизне жичу чтобы все знали как жили простые рабочие в наши годы извините я училась малo один год раньше все прями и шкали учится было никогда написала как сумела желаю всем здровья и жить всем вам лудше некак мы жили

Колтакова.

10 июня 1996 год.
г, омск

Автограф обращения М. Н. Колтаковой к читателям

Детские годы

Я, Мария Николаевна Колтакова, родом Северный край, Никольский район, Нижнекемский сельсовет, деревня Путилово[1]. Моя девичья фамилия Парфёнова. Год рождения 1915, 15 февраля. В 1995 году исполнилось 80 лет. Хочу написать про свою жизнь, как я прожила.

Я помню себя с 7 лет. У нас семья была большая: от рода сестёр и братьев было 16, но все старше меня. Помню я 6 сестёр и 3 брата. И одна сестра умерла 20 лет. Остальные умирали маленькие - от оспы, так говорили родители. Теперь нас осталось двое: в Ленинграде брат[2] - мы с ним близнецы, вместе родились и росли.

Мама нас 15 февраля родила во хлеве у овечек. 40 штук овечек. Брата родила, положила в ясли и меня родила в подол. И принесла домой. Потому что в доме много было [народу] - ей неудобно [рожать][3]

Деревня была большая домов 200. Люди все русские. Местность гористая, лес тайга. Вырубят лес, сожгут, пни выкорчевают, и полоса будет.

Поля у нас - горы, речки. Земля - песок, камень. Каждый год надо камень убрать.

Вот у нас полосы широкие: семья большая - 16 братьев и сестёр от рода и 2 снохи. И мы так камень собирали: две лошади с телегами идут впереди, а мы, вся семья, бросаем камень на телеги и увозим в низ полосы. Свалим - и опять. Так каждое лето.

Землю удобряли: навоз вывозили зимой и летом запахивали: три лошади запахивают, а мы трое с вилашками спехиваем в борозды - и затопчем.

Это поле отдыхает, чтобы навоз перепрел.

Потом посеют рожь - вырастет, как стена, хорошая. У кого навоза нет, плохо растёт.

Помню, с семи лет повели нас сено согребать. Дали грабли и косу. Косить учили, лён рвать, жать - всё учила бабушка. 96 годов ей было. Маме некогда было: только хлеб пекла да варила на семью. Отец был очень строгий: поглядит - знай, куда идти! Не погуляешь! Один раз увидел сестру [Афанасью]: с парнем стояла зажал её между ног да как начал хлестать! До того хлестал посинела. Тут мама на неё пала говорит: «Её убиваешь и меня убивай!» Тогда перестал. Вот какой был. Маленький, а колючий - как ёрш. Всем была работа: кому дров

наносить, кто в коридоре подметёт, кто пол моет, кто щепки подбери. Всюду порядок.

- Глину месили-фсё, кирпичи делали-дак. Фсё ногам топтали Неё-бы хоть-лошадей, да-на-лошади-бы топтать нет, вот-насыплют на-долони... У-нас называлось это риги и-вот четырёх хозяеф - длинна долоника така. Вот-насыплют на-долонь глины, воды [нальют] *- и-мы бегаем, ребетишки, топчём. Кирпичи делали сами.*

В школу я ходила один год. Потом пряли, ткали, лён рвали, трепали, чесали, хлеб ростили: Новины вырубят, высохнет - всё сожгут. Лес хороший уберут на стройку, а мелкий сжигали. Потом посеют рожь и клевер с палошником. Рожь на будущий год выжнут и годов 5 сено косят

Летом нет дороги когда замёрзнет, тогда рожь вывезут. Молотили всё руками, цепями Мы и маленькие ходили молотить. Было выстроено огувно (теперь зовут рига) на 4 хозяина. Летом молотить некогда было - всё складывали рожь в копны, и овёс, и ячмень, и пшеницу. Зимой молотили Всё вручную. И веяли вручную. Надо высушить - сушили так: в этом огувне был сделан овин и колосники, там вот и клали снопы. Внизу овина раскладывали костёр - только дрова берёзы. И целую ночь палят. Вот высохнет - в 5 утра молотить, с фонарями ещё.

В домах сидели с лучиной. Берёзы нащеплют и в светильник - корыто с водой - втыкают лучину, и так пряли.

Так наши молодые годы шли.

Ели всё лесное: грузди, рыжики, волнушки, ягоды. Сморода по логам в речках росла, малина в выломках росла, клюква на болотах, брусника на борах, морошка на болоте

Есть было чего. Скота было 8 коров, 2 быка, 4 лошади, овечек 59 штук. Скота никогда не пасли - так угоним в поскотину, где пасётся - вечером сами идут. И свиней держали. И ещё братья охотились: били зайцев, медведей, лосей, тетеревей, рябчиков. Мяса было полно.

Много было волков и медведей - скота съедали: коров, овечек.

Один раз семью медведей привезли: медведицу убили там, а медведь потом у нас в подполе сидел. И 3 медвежонка долго были. Чужих никого в дом не пустят! Надоели - мама увезла в город, в музей.

Медведя бьют только в глаз.

Первые коммунисты

Вот мои годы шли всё в работе. Новины уйдём прятать - убирать сгоревшее - все в саже. Целую неделю не мылись: речки в лесу маленькие - только для питья и сварить. Домой придём - в печке мылись. бани не было[1] Жили, как дикие люди, росли в грязи - но люди крепкие были, жили по 100 годов. Но день и ночь работали: всё поля разрабатывали. Земля была плохая: горы, песчаная надо удобрять. У нас скота было много - удобряли поля, а у кого одна корова, нечем удобрять - хлеб не рос.

Были такие в деревне 4 семьи: Вася Гарин - 2 сына и дочь, и корову не держали, Мока-вор: 4 сына и дочь; Маришка: 2 сына, 2 дочки, ещё Василий и Мария: 6 сынов и 7-я дочь.

Вот это первые коммунисты. В партию, в комсомол пошли, а сами в чужой амбар залезут тушу мяса утащат. Масло кто скопит - всё выкрадут И всю деревню предали: «Тот кулак, да и тот кулак». Которые работали день и ночь, то кулаки, а они и хлеба наворуют, и овечек чужих загонят штук 5, зарежут и жерут. Всё теряются овечки! Они срежут - вот какие были![2]

Им дали право своих деревенских аресто[вы]вать.

Один комсомолец погнал в город - 50 километров - четырёх человек своих деревенских: Василья, что овчины выделывал, Назара и двух братьев: Ивана Ильича и Петра Ильича. Иван Ильич работал 30 годов, ветврач. И этот комсомолец этих мужчин отвёл 20 километров, согнал в лес и расстрелял всех: у него была берданка - ружьё.

Его звали Парфёнов Иван Павлович. Первый комсомолец!

Потом дети стали искать родителей и нигде не нашли. Он своим проговорился. И слух по селу пошёл. Он куда-то уехал - до сих пор не знают, где он живёт.

Оставил трёх детей маленьких. Плохо: дети голодные были.

Колхоз Ленина[1]

И вот мы росли. Ходили с пряхами днём и вечером, собирались по 30 девчонок: неделю у меня, потом у других. Так зима шла. А летом на горе среди деревни вечерами. Ребят много было. Гармошки всё тальянки были и двухрядки. Из других деревень ходили ребята.

Большинство сеяли лён: надо всё тканое - и рубахи нижние, и верхнее. Сами ткали всякими узорами.

Ну, я была такая смышлёная - быстро всё умела: прясть, лён обрабатывать, и сновать, и ткать, и вязала всякие кружева - и к полотенцу, и к скатеркам. Ткали всякие пестряди. И юбки, и кофты - всё тканое. Носили кафтаны: шерсти напрядём и выткем.

Ну, я ростом небольшая, но шустрая была. Ребята любили, что умела всё делать - и быстро.

Вот такая семья была. Жили мирно.

Была у нас кузница. Средний брат [Иван] с отцом ковали. Со всех деревень приносили всё ковать, кому чего нужно было. Но это всё.

И вот подошла к нам беда: стали кулаками звать. Это в 30-м году. Мне было 15 лет.

Всё у нас забрали: хлеб выгребли - 2 амбара, скота угнали в колхоз, сани, телеги (всё делали сами) в колхоз все увезли. Даже корыта, кадки, что солили грузди всё, всё по себе эти воры растащили. Даже одежду, и то всё: на торгах всю продали. Папу - в тюрьму. Наложили налог - платить нечем. И оставили нас с бабушкой 96 лет.

Брат старший [Тарас] жил с нами 11 лет женатый - уехал в Ленинград. [Потом] и младший [Алексей] к нему. Средний [Иван] тоже жил с нами 5 годов женатый, а как начали раскулачивать, видит: надо разбегаться - отделился и пошёл в колхоз кузнецом.

Старший брат был у Будённого 5 годов кавалеристом, и была у него почётная карта: кавалерист на коне. И ему в Ленинграде сказали, чтобы он хлопотал - и всё снимут. В Устюге жила папы сестра [Анна]. У неё муж [Володя] - тоже коммунист. Он попросил эту карту. И он поехал в область и всё охлопотал. Всё с нас сняли, сказали: всё нам возвратить. Но ничего не возвратили. И дом хотели на школу ломать, но остался на месте. Нас разрешили принять в колхоз.

Вот - молодость, 15 лет, и от колхоза погнали в лес на пару с мужиком - лес валить. Я всё в лесу работала, с сентября и до июня. Нарубим, всё к реке свозим по ледянке и сплавим по реке в Кологрив, река Кема[2]. Ёлки в два обхвата. Техники никакой не было: «Дружба»[3] уж потом появилась. Пилы поперечные. Снег по пояс, надо разгрести: пенёк если высоко - десятник не принимает.

И меня один полюбил и каждый год звал, чтобы я с ним пилила. Его имя было Михаил. Но на фронте его убили. Когда война началась, он всё говорил: «Если меня возьмут на фронт, я в немцев стрелять не буду: они же тоже люди, не могу я в человека стрелять. Лучше пусть меня застрелят». Это мне

[его] сын рассказывал. Михаил женился потом, как я уехала. Мы работали вместе, пока я не уехала в Ярославль.

Летом дадут пару лошадей и плуг и паши! Нормы спрашивали.

Смерть владыки Ерофея

И опять беда.

Был у нас владыка, епископ. Владыка был из Устюга Вологодской области. Звали его Ерофей. Наставлял людей, чтобы молились.

Когда людей кулачили, нашим коммунистам дали право аресто[вы]вать своих деревенских ни за что.

Вот все бабы и дети собрались и давай коммунистов двух, [сыновей] Васи Гарина Ваню да Фёдора, по деревне гонять: кто с кочергой, кто с палкой. Помню, я бежала с палкой. Одна женщина, Мария, была в амбаре - выбежала с молоком, мы их гоним - и Мария одну кринку в лицо одному, вторую другому. Всё лицо молоком залила!

Вот эти коммунисты сообщили в область, что Ерофей научил. Но никого он не учил!

Сообщили в область - приехал отряд, окружили деревню и дом, в котором он был. Там жили дед, баба и сын с женой, детей не было. Окружили всю деревню, и в деревню пустят, кто приехал, а из деревни не выпустят. И этот дом окружили.

Никого к дому не пускали, а все люди, малый и старый, стояли день и ночь на крыльце. Но людей не убивали, только уйдёшь поесть - потом не пускают, винтовкой под зад толкают[1].

Какие-то дураки [милиционеры] были: зайти бы в дом, забрать его и не мучить ни людей, ни себя.

А дураки-дети, бабы все на крыльце этого дома всё пели молитвы. Нас винтовками били: под зад толкают, не пускают к дому, а мы лезем.

И что бабы придумали: одели владыку в кафтан, в женский длинный платок подвязали и высадили в окно, увели в другую деревню, в лес, в избушку - 4 километра. Носили туда еды. Были у него 2 молодых паренька: Николай и Анатолий.

Хотели нашу деревню всех спалить. Ехал карательный отряд. И Николай, паренёк, пожалел детей и старых и сказал, где владыка. Повёл милицию туда.

Милиционер зашёл, сказал: «Руки вверх!» Владыка поднял руки. И [тот] стрельнул его в голову. Но он жив [остался], не убил.

И положили его на голую телегу-однокружку вниз головой[2], 4 километра везли до нашей деревни - кровью изливался, но не стонал, только градил крестом всю дорогу.

Привези в деревню, перевязали голову и попросили, чтобы везти, как человека. Положили подушки в ходок и 150 километров так везли.

И весь народ за ним погнали: молодых девушек и старых из той деревни, с Вострова. И у нас, кто молился, коммунисты всех показывали. У нас маму и брата среднего взяли[3], всех в Котлас в тюрьму. А папа уже там. И пареньков: Николая и Анатолия. Так люди, как черви, там погибали.

Никому даже проводить не дали маму и брата. Вот такое было за то, что молились люди. И из Вострова всех, кто молились: молодые девушки, женщины, мужчины всех арестовали, погнали в Устюг в тюрьму. В нашей деревне всех забрали: молодых и старых, - угнали всех пешком до Котласа. 150 километров - Устюг, и [ещё] 25 километров Котлас от Устюга.

Все там, как черви, погибали. Мало кто вернулся.

Но наши сидели с год. Потом Володя всё охлопотал, и их забрал в Устюг, и привёз домой папу, маму и брата.

Одно горе говорить! Много молодых погибло там.

Владыку Ерофея отвезли в Устюг в больницу. Владыка один в палате был, всё молился. Ходила папина сестра [Анна] к нему.

Когда умереть, он встал, помолился, и в палате просто как солнце засияло, - и умер. Хоронили его в Устюге.

Вот такая история была - но всё правда.

Отъезд сестры в Ярославль и братьев в Ленинград

Мы жили в деревне Путилово Северного края Никольского района. (Сейчас наши края к Вологодской области перевели, все деревни снесли).

И вот у нас в деревне много раскулачили, и все стали кулаки уезжать. Но надо было паспорт получить - потом уедешь. И был в сельсовете хороший секретарь, Александр Васильевич Вязников[1]. И он всем кулакам дал справки. Когда уедет председатель куда, а он напечатает справок и даёт кулакам. Правда, много ему платили: и масла, и мяса, и яиц - чего только хотел.

- *Шýра-сестрá, Алексáндра - онá вы́шла* [замуж] - *и́... через-мéсец не-бóльшэ, и́х* [Александру, мужа и его родителей]

роскулáчили. Онé фсевó скотá взяли лóшать. Запреглú, склáли какúе шмýтки фсé свой, взяли лóшать - и-уежжáть. И-скотá, и-дóм фсё брóсили. Хуторóк - домóф пя́дь-был, и-тó роскулáчили! Вóт И-свáд-гт· «Давáйте уéдем!» Хотéли онú уéхать ф-Кологрúф-там[2] ф-Кологрúф, потóм... устрóицца фсё. Поéхали, двáцть килóметроф отьéхали тóлько, заéхали в-Бадáнках к-мáминой сестрé, к-тётушке Дáрье, чя́ю попúть, а-тáм бы́л сь-Семскóй комунúс. Арестовáл-йих - и-фю́ть! Их-срáзу ф-сельсовéт - и-посадúли-их ф-тюрьмý. Фсé! Потóм онé... ф-тюрьмé-их. расконвоúровали, как-хорошó себя́ велú. Грузúть дáльшэ-там ужэ́ ф-Кологрúф... грýпа былá цэ́лая...· расконвоúровали úх, повезлú дáльшэ. А-онé взяли да-убежáли! В-лéс. Убежáли в-лéс. Потóм пришлá сестрá, Алексáндра-та, [в Путилово], *взелá э́ту спрáфку тóжо, дáл э́тот Алексáндр Вя́зьникоф. Дáл спрáфки на-фсю́ семью́. Онé пошлú, паспортá получúли, и-жы́ли·* [родители] *в-Никóле-Полóме*[3] *двенáццэть лéт.* [а Александра с мужем уехали в Ярославль].

- Донумéнты - вúдиш-как... Я́ тибé роскáзывала, што... давáл у-нáс Олексáндр Васúльевичь...докумéнты. Вод-достáли докумéнты. Зя́ть [муж Александры] *уéхал. Алексáндр Васúльевичь Вя́зьникоф... брáтьям дáл докумéнты, зя́тю и-Тарáсу, брáту, дáл, а-Алёша потóм уéхал. Э́тот потóм уéхал. Евó ганя́ли на-рабóту. Ишшó раскулáчили - угнáли, он-ф-сúлу домóй пришóл: жэлтýха. Ф-сúлу, ф-сúлу пришóл жывóй домóй. Ганя́ли на-рабóту евó. Не-знáю, дé-то... кудá... Как-вот-меня́ за-Красáвино*[4] *ганя́ли, а-евó кудá - не-знáю...*

- На лесозаготовки тоже?

- Дá, дá, дá. Óн ф-сúлу домóй пришóл. Чю́дь жывóй. Потóм мáма срáзу, как-собрáлса, - мáма докумéнты опя́дь достáла у-éтова Вя́зьникова и-отпрáвилась в-Ленингрáт, к-Тарáсу, г-брáту. Тáм онé-вот ы-до-сих-пóр, тáм-жа жывýт [дети Тараса], *а-Тарáс ýмер.*

В городе, где паспорта получали, догадались, почему все кулаки уезжают· молодые девушки, парни...

И одного паренька словили в городе: пришёл получать паспорт, и его спросили, где взял справку. Он не хотел сказать - его прижали, и он сказал. Этого звали Иван Петрович Парфёнов. И тогда Александра Васильевича забрали и срок 15 лет. Оставил трое детей.

Кто работал, не ленился, все кулаки! Но это были простые люди, ни машин, ничего не было - всё вручную работали, только скот, и всё.

Наш отъезд из деревни и судьба семьи после него

Как папа и мама вернулись из тюрьмы и брат Алёша уехал в Ленинград, скоро и мы все собрались уезжать.

- *Ну-фсé: сестрá млáтшая Óльга, я, и-пáпа, и-мáма. Вы́ехали, в-Ярослáвль заéхали онé* [отец с матерью], *погосьти́ли сь-мéсец - нéт, с-мéсец-то не-погосьти́ли - уéхали в-Ленингрáт, г-брáту. Брáту* [сестра Александра и её муж] *сказáли, штоп-к-ни́м уéхали тудá. В-Ярослáвле жы́ть нéгде: шзшнáццать мéтроф кóмната. Шу́ра и-зя́ть... тóжо Алексáндра: Алексáндр ы-Алексáндра онé жы́ли: трóё детéй у-ни́х. И-жы́л ышó брáт евó - Вáня, да-мы́-иш с-Óльгой приéхали.*

- А как звали отца-то с матерью?

- *Николáй Тарáсовичь, Матрёна Деми́тревна. Вóт приéхали онé, побы́ли сь-мéсец и-уéхали в-Ленингрáт, г-брáту. Тáм тóжо кóмната былá на-поцьселéнье, не-óчень-то былá - ну́, кудá девáцься? Дóма жы́ть невозмóжно, ф-колхóс не-беру́т: кулаки́-дураки́! Вот-тáк. И-поéхали. Решы́ли тáк.*

- А в Ленинграде родители работали?

- *Нéэт, онé-веть стáреньки-уж бы́ли, стáренькие. Три́ццадь девя́том мáма умерлá, а-сóрок фторóм - ф-Ку́йбышэф вокуи́ровали когдá-их з-завóдом, с-воéнным завóдом - воéнный завóт - брáт рабóтал - пáпа тáм, ф-Ку́йбышэве, у́мер.*

- *Ну́, штó... Мáма умерлá ф-три́ццэдь девя́том. Онá заболéла, мáма. Открывáла-вот крáн - у-ниё получи́лось: прáвая рукá по-ки́сь - заболéла. Онá поéхала к-нáм в-Ярослáвль, гоори́т: «Повези́ меня́ в-дерéвню, миня́ бáбушки вы́лечят». Хотéли* [врачи] *у-ниё ру́ку отьня́ть - онá не-далá в-Ленингрáде: «Я поéду в-дерéвню: Мари́я меня́ отвезёт поéдет в-óтпуск». Я иё отвезлá в-дерéвню. В-Ярослáвле мы-фсé больни́цы обьвели́ - сказáли, што-тóлько ру́ку по-ки́сь отьня́ть. Онá не-даёт: «Я, - гот, - бес-прáвой руки́ не-пойду́ на-тóт сьвéт!» Не-далá![1] Ну́, я привезлá иё в-дерéвню, остáвила, тóлько обрáтно верну́лася на-завóт... верну́лась - онá двá мéсьца пожылá и-померлá в-дерéвне. Вóт. Три́ццадь девя́том году́. Ну́, потóм пáпа-то уш-остáлса оди́н. Хотéл тóжо в-дерéвню.* [В Куйбышев отец и братья ехали через Ярославль]. *Пáпа хотéл остáцца в-Ярослáвле, штоп-я́ евó увезлá* [в деревню]. *Приéхали когдá в-Ярослáвль-эт, поéхали, а-я́ ужэ́ уéхала. Тáк евó ф-Ку́йбышэф и-увезьли́. Óн* [когда уезжал из Ленинграда] *одьдéльно и-шму́тки*

свой склáл, штóбы в-дерéвню, штоп-я́ евó увезлá. А-как-онé приéхали, а-я́ ужэ́ рáньшэ уéхала из-Ярослáвля-та. Потомý-што ребёнок мáлинькой, бомьбя́т! Фсё бомьбя́т, бомьбя́т. Фсё в-убéжышшо, в-убéжышшо убегáй. Фсё...

Когдá приéхали онé в-Ярослвáвль-эт, Тарáс прибежáл - недалёко-туд дóм-от у-евó [у зятя]: *мы́ жы́ли на-проспéкте Шми́тта, ря́дом-тут... поездá-где останáвливались. Óн прибежáл - гт, Мари́и-де нéт, грьт, уéхала... Óн* [отец] *не-хотéл* [в Куйбышев], *тáк плáкал, што-в-дерéвню хотéл уéхать, штобы-и́х-там вьмéсьте с-мáмой похорони́ли...*

- Кáкь-их вокуи́рали ф-Кýйбышэф, брáтьёф... и́х ф-Кýйбышэф вокуи́рали... и-былá стáчька под-мостóм гдé-то. И-Тарáсу здави́ли грýть. Говори́т, вот-тáк... головóй-то... под-мостóм о-сьтéну фсё крути́ли-крути́ли, вы́крутили, гт, срáзу упáл - и-три́ дьня́, грит, не-подьнимáлса: грýдь здави́ли. У-евó рáк пéчени был. Вóт-он болéл. И-пóмер. Стáчька какá-та под-мостóм былá ф-Кýйбышэве.

- Что за стачка? Что такое стачка?

Во-врéмя войны́. Лю́ди бежáли туды́ фсé, тé туды́. Бомьбя́т! Кáк-вот, кудá бежáли?.. Вот-тáк óн ы-сказáл: гт, как-вы́крутили меня́... и-здави́ли грýть си́льно. Детéй, жэ́ньшын, гт, тýт топтáли, дави́ли. Скóль людéй, гт, потоптáли. Вóт-тáк-вот стáчька былá. Тáк роскáзывал. И-óн заболéл, заболéл. У-невó рáк пéчени. И-пóмер.

У-брáта Лёшы жэнý уби́ло тóком. Онé жы́ли в-барáке, ф-Кýйбышэве, выноси́ла ведрó - вы́лить, грязноё ведрó, и-уби́ло тóком-ыё. Закóпывали в-зéмлю - фсё-ровнó онá не-оджылáсь[2] *И-двóё детéй у-éй остáлось, двá мáльчика. Нý, оди́н хорóшый* [вырос], *оди́н не-óчень-то хорóшый какóй-то: ф-тюрьмý-вот посади́ли - заробóтал, ви́дно. Тáк-вот.*

Олёша-брат вод-жывёт тáм [в Ленинграде], *до-сих-пóр жывёт. Мы́ сь-ни́м как-роди́лись вьмéсьте, и-умирáть, навéрно, вьмéсьте бýдем. Вóсемьдесет оди́н гóт, а-мы́ фсё жывём!*

- А в деревне кто-то остался из вашей семьи?

Стáрша сестрá в-дерéвне жылá. Так-у-ниé тринáццадь детéй тóжо было. Вóт. Мýш робóтал ф-сельсовéте, тó секретарём, тó... В-дерéвне. На-рóдине. Ф-Пути́лово. Áнна, стáршая сестрá.

- Фторáя сестрá - Афанáсья. Вóт. Онá выходи́ла [замуж] *тóжо в-нáшой дерéвне. Алексáндро-то, зя́ть - евó уби́ли на-фрóньте. Óн командьи́ром был - ишшó войнá не-начиналáсь, а-евó ужэ́ взя́ли в-Вóлогду на-подготóфку-там. Тáк ы-фсё, фсю́ войнý... Óн, бéдьнинькой. был в-окружэ́нье двá мéсьца. Гт,*

ремни́ е́ли, сопоги́ вари́ли, ремни́ - фсе́ своё... ко́жу вари́ли. Два́ ме́сьца были в-окружэ́нье. Дьне́пр река́-та одна́ кро́фь, да-тру́пы. Пото́м... Оне́ два́ ме́сьца были в-окружэ́нье, пото́м, когда́ на́шы пришли́, о́н побыл два́ ме́сьца в-го́спитале и-опя́ть на-фро́нт. И-уби́ли. У-ево́ оста́лось три́ сына, во́т: Алекса́ндр, Ива́н и-Алексе́й. Алекса́ндр то́т потполко́вник, о́н ф-Ташке́ньте [жил]. *Вот-щя́с у́мер. А-Ива́н в-Волгогра́цкой о́бласьти, село́ Ба́тырь. А-Алексе́й в-Баку́. Тепе́рь ужэ и-Алексе́й у́мер, и-Ива́н, и-Алекса́ндр - фсе́ у́мерли сыновья. И-ма́ть умерла́, Афана́сья.*

- Тепе́рь Ва́ня. Ва́ня-бра́т - в-дере́вне жыл фсё. Робо́тал кузьнецо́м. Ф-ку́зьницэ. Когда́-это раскула́чили-нас, а-о́н ужэ́ одьдели́лса от-на́с. Одьдели́лса, ему́ избу́шку, дво́р перевезьли́. Ж-жэно́й жыли, у-ево́ дете́й не́-было. Ф-ку́зьницэ та́к-он ы-робо́тал. Со-фсе́һ дереве́нь приноси́ли кова́ть.

- Ишо́ сестра́ была́ Федо́ра. Два́ццэть ле́т умерла́. Заболе́ла чё-то водянкой... и-два́ццать ле́т... Здоро́вая, краси́вая - умерла́. Де́вушкой.

Как работали на заводе в Ярославле

Приехали мы в Ярославль в 35-м году: [я], папа, мама и сестра [Ольга] младше меня на 3 года. Квартира у сестры [Александры] - 16 метров комната. Трое детей маленькие, и брат зятя, паренёк, и зять сестры, и нас четверо. Где жить? Не прописывают.

Папа, мама уехали в Ленинград к братьям. Нас [с Ольгой] зять прописал временно.

В Ярославле поступить на работу очень трудно было. Люди спали у отдела кадров. [Зять] так [меня] устроил на работу: взял в заводе [направление], что нужна работница, но в отдел кадров я не могла пройти - он пролез к окну и женщину попросил отвечать за меня. Оформил - вылез.

И через 2 месяца по э[то]му [же] направлению сестру устроил, опять [как и меня] в цех.

Я работала на станке. 6 человек [бригада]: браслетчица Анна, сквиджмашинистка Сима, вторая сквиджмашинистка я - Мария, закройщица Анна, стыковщица Лиза, обрезчица Шура[1]

Браслеты называются это делают колёса к машинам: к грузовым, и к маленьким, и к тракторам. Браслет состоит полоска, 2 слоя корда и 2 слоя резины, получается браслет. Вот таких штуки три браслета - это делают мужчины - надевают на станок, и боковины (резину толстую), и ещё протектор. Всё получится покрышка. Колесо вставляют железо. Покрышки

варят в котлах. Есть горячие цеха: кладут в котлы, закрывают, и варятся часами.

Вот так и работали.

Все заводы в одну проходную ходили: шинный, кордный, асбестовый, подошвенный.

С квартирами очень плохо. Частную - нигде не найдёшь. Все землянки обойди - нет квартир!

У сестры прожила по 38-й год. Пришёл ко мне паренёк из армии, я вышла замуж - ушли на частную квартиру. Спали так: мы [с мужем] на койке; а над нами на полатях 4 парня спали - Федя, Сергей и два Саши. Комната маленькая, тут и печка, тут и стол: Ничего у нас не было: у меня одна юбка из деревни, у него - шинель с армии[2]

Муж, когда с армии пришёл, поступил в милицию: с пропиской было плохо. Вот его и прописали в Ярославле. Муж проработал в милиции мало: не может бить никого. Уволился и поступил на шинный собирать покрышки.

- Расскажите подробней, как Вы встретились со своим будущим мужем.

- Мыі жыіли в-Ярославле. Ко-мнé приéхал заóчьник. Кáк? С-нáшым свáтом служыіл в-áрмие паренёк. Раён одúн, дерéвня одь-дерéвни сéмисет килóметроф. Нáша дерéвня - Путúлово, евó дерéвня - Скочькóво. Большыіе дерéвни. Вóт. И... э́тот Петрó, свáт-наш, быіл в-áрмие. «Вáня, - гт, - поéдём со-мнóй [после увольнения]. *У-нáз дéвочька хорóшая éсь. Поéдём! Пишыі письмó!» Óн написáл письмó мнé, и-Пéтька написáл. Вьмéсьте напцсáли, што-мыі поéдём с-áрмии - заéдём к-вáм провéдать-вас. Áрмею кóньчили - а-служыіли в-Ленингрáде - приéхали к-нáм. Я былá на-рабóте, а-Óльга былá дóма. Я́ прихожý с-рабóты - сосéтка выхóдит, говорúт: «К-тибé жэнúх приéхал». Я́-горю: «Кáг жэнúх приéхал?»- «Ребя́та приéхали с-áрмии». Мт! Одúн высóкий рóстом, выіш ишшó тибя́, а-óн такóй срéдьнинький. Я́ не-выхожý: убежáла ф-туалéт, в-вáнну, тáм мыіла гóлову: прибежáла-ить с-рабóты. И-мнé прихóдит... прихóдит сестрá. «Пойдём!» А-я́-грю: «Не-пойдý-я, не-пойдý!» Онá принеслá-мне плáтье, я́ передéлась, фсё. Анé, слыішу, говорят, што-мыі щя́с пойдём ыé выіташшыім оттýда. Мнé пря́мо стыідно нáдо-жа, приéхал заóчьник! Нý, фсё-жо я́ причесáлась. Косá у-миня́ былá большáя, нúжэ жóпы... Хм! Нý, я́ былá шýстрая такáя! Пошлá. Онú óба фстáли, здорóваюцца со-мнóй. А-мнé пря́мо стыідно! Нý, потóм двá меéсьца онú пробыіли. Óн* [Иван] *хорóшый паренёг быіл: и-зя́тю понрáвилса, и-сестрé понрáвилса. Хорóшый паренёк! Я написáла письмó кь-*

йм в-дерéвню: моя́ двою́родная сестрá-там былá. Онá-мне отвéтила: «Марúя, не-терńй пáрня! Óчень хорóшый! Родúтели хорóшые, óн хорóшый - бýдите жыть!» Прáвда, хорóшый паренёк: óн не-курúл, не-пúл... Нý, двá мéсеца пробыл - жыть-им нéгде. Некáк квартúры не-найдёш. В-Ярослáвле трýдно с-квартúрами было. Онú в-опшежытие пошлú: устрóились в-мелúцэю. Мóй в-мелúцэе порабóтал... Пéтька - тóт мóгот: и-набúть, и-фсё. А-óн - не-мóгот никовó бúть. Говорúт: «Я не-могý!» Вóт поведýт: пацаны! гдé по-трýбам [теплотрасс живут], *гдé чё сворýют - бúдь заставляют* [таких]. *Óн-гт: «Я никовó не-трóну. Не-могý-я!» Поробóтал немнóго - «увóльте миня: у-миня характер не-позволяет». Увóлился. Увóлился, потóм пришóл тудá, к-нáм на-шынный. Я робóтала тáм машынúской, а-óн збóршыком покрышок к-нáм устрóилса. Устрóилса - быстро тáк-он, хорошó усвóил* [дело], *быстро: такóй деловóй паренёк! Мы и-робóтали. Я емý браслéты таскáла в-запáс, штобы-óн бóльшэ-их дéлал. Хм! В-нáшой сьмéне робóтал... Нý, зять у-нáс хорóшый был, сестрá* [Александра]. *Трóё детéй у-úх было. Мы* [с сестрой Ольгой] *жыли у-нúх на-квартúре в-Ярослáвле. Квартúра - óчень трýдно с-квартúрами было. Óн* [Иван] *как-ушóл* [из милиции] *опшежытие-иж дáли от-мелúцэи, - óн нашóл чя́сную квартúру, ушóл. Тáм ышó жыли четыре пáрня, ф-тóй квартúре. Дéд, бáпка и-четыре пáрня - это кватерáнты. Фéдя, Сергéй и-двá Сáшки: одúн молодóй, одúн стáрый. И-мы тудá пришлú. Вот-такáя квартúра былá. Пéчька-тут, за-пéчькой шкáф. Мы кóичьку односпáльну постáили на-покá. Распилúли: не-ухóит! У-евó нóги длúнны - не-ухóдят ышшó! Вот-тáкь и-спáли. Нý, штó зьдéлаеш? Такáя жысь!*

- А Ольга-то?

- *А-Óльга... двá мéсьца тóлько пробылá, как-я вышла зáмуш - приéхал Николáй, паренёк, кь-éй ходúл ышшó в-дерéвне у-нáс. Мы жыли: óн - четыре килóметра, Вóстрово дерéвня. Óн кь-éй* [к Ольге] *ходúл, Николáй. И-ко-мнé Николáй ходúл. Кь-éй Карякин, ко-мнé Жылушкин. Онé были... И-Óльга вышла зáмуш. Óн ыё увёс. У-иё ишшó был пáрень. Хорóшый паренёк, на-капитáна учúлса... Уéхал* [учиться, а когда] *приéхал - онá-уш вышла зáмуш.*

- И они с мужем в Иваново уехали после этого?

- *Óн* [Николай Карякин] *в-Ывáново и-жыл* [к тому времени]. *Тóт Николáй у-брáта жыл. Брáт стáршый. Приéхал* [Николай], *привёс ыё* [Ольгу], *в-Ывáнове онé и-жыли. Онá рабóтала ф-швéйной. Ф-швéйной фсё... Косьтю́мы фсё шыла... Ф-швéйной*

рабóтала. А-óн глáвным буҺáлтером рабóтал ф-кантóре. Грáмотной-он паренёк. Хорóшый такóй мужык. Жыли онé у-брáта. Вóт. У-брáта. У-брáта трú кóмнаты было - óн-ым одьделúл. Вóд жыли, потóм-уш ы-úм дáли... Потóм - и-úм дáли квартúру.У-иé двóё детéй. Анжынéр сын, дóчька - врáчь. И-типерь онú в-Ывáнове жывýт, дéти. А-онá умерлá прóшлой гóт, Óльга. Нý, сестрá-это сáмая млáтшая - Óльга. А-мы с-Алёшэй близьнецы: Лёша и-я. Óн в-Ленингрáде жывёт.

- Моложе-то вас сколько детей было в семье?

Однá тóлько. Послéдьняя. Я с-петнáцтава, онá с-восемнáцтова... И-вóт мы с-мýжом и-жыли на-чясной квартúре с-этими с-парнями. Нý, мы-пожыли тýт четыре гóда, каг-жэнúлись-та. Покá войнá не-начелáсь.

Много раз из Ярославля ездила в Ленинград: папа, мама там жили и два брата.

А сват [отец зятя Александра], как убежали из тюрьмы, так и жили в Николо-Поломе двенадцать лет.

- Через-двенáццэдь годóф... Тáм [в Николо-Поломе] *нáшы ишшó были с-усáдьбы, раскулáченые: у-úх маслобóйка былá. И-свáт выпифшы поругáлись-там сь-Семёном. «Ты, - ат, - кулáк!» - «Да-и-ты кулáк!» Тáм* [во время этой ссоры] *были люди. И-úх - цóп! - словúли! Узнáли мелúцэя, забрáли-их ф-тюрьмý. Через-двенáццэть лéт! Ужэ под-войнý. Нý, я ишшó рабóтала - я пóмню фсё это... Забрáли-их ф-тюрьмý. У-úҺ был мáльчик. И-дéвочька. Дóчька-их. Óля и-Иван. Спросúли мáльчика: «А-ишшó у-вáс хтó éсь?» А-óн сказáл: «У-нáс ышшó брáт в-Ерослáвле, на-шынном заводе рабóтает». Вóт пришлú, арестовáли зятя Алексáндра - и-тудá кь-úм ф-тюрьмý, в-Никóло-Полóму. И-онé просидéли-там, мéсьсоф пять просидéли. Потóм сýт. Сýт, присудúли: свáту дáвносью покрылось фсё - просьтúть, как-óн... стáрый, а-нáшому-то, Алексáндру-то, присудúли пять лéт. А-у-невó были вырески* [из газет]. *цэлая стопá. Óн кáждый дéнь фсё... фотографúровали евó фсё... Вырески, вырески: óн хорошó рабóтал. Инстрýктором: обучял людéй покрышки дéлать фсё. У-евó былá цэлая пáпка вырескоф. Вóт. А-сестрá-та взелá эте фсё вырески. Сýт кóньчилса, пять лéт присудúли. Онá взелá да-опядь зашшытьникам евóным оддалá* [газетные вырезки]. *Возобновляют сýт. И-евó по-этим вырескам-та - фсé, што-евó фотографúровали, óн хорошó рабóтал, - и-освободúли. Пять лéт сьняли. Отпусьтúли домóй. Вот-тáк.*

И вот опять беда. Германия нам не дала каучука - не было работы, и за 3 дня сократили 3 тысячи 500 человек. И я была в декрете - сократили.

В тридцать девятом я родила сына. А в сорок первом война. Начали бомбить.

- Нéмцоф вы́садили оди́н рáс. Мы идём с-хозя́йкой... в-магази́н. Сиди́т мущи́на. Осéннё пальтó на-ём, си́няя рубáшка сати́новая. Мы идём в-магази́н. Прошли́ - не-замéтили, што-óн черти́т. А-дéфки за-нáм шли́, студéнты, онé увúдели, што-óн черти́т, на-кáмушке. Э́то нéмец!.. И́х ссади́ли за-э́то... ссади́ли-их тáм Щитовóй посёлок, за-Щитовы́м посёлком ссади́ли нéмцоф-там на-парашу́тах. И-вóт э́тод зьдéсь черьти́л, другóй тáм за-Вóлгу мóс черьти́л. А-éтот черьти́л. шкóла триц-шэстáя и-воéнный завóт, трицть-пя́тый завóт воéнный. Ребя́та рабóтали ту́т у-нáс, с-нáм жы́ли ребя́та. И-шьчерьти́л-он. Ну́, евó слови́ли: дéфьки-те увидáли, студéнки, евó замéтили, што-óн чевó-то чёрьтит - онé скорéй мели́цэю... побежáли... И-пришли́ мели́цэя, евó-тут слови́ли. Óн расказáл, што... нáс-вод за-Щитовы́м посёлком ссади́ли на-парашу́тах. Вóт. Дак-тóт-вод за-Вóлгу мóс шьчерьти́л, дак-тáм посёлок ы-заводы: кóрдный завóт, шы́нный завóт, азьбéстовый завóт - фсё в-одну́ проходну́ю... дак-вот-тáм бомьби́ли... И-опшежы́тия згорéли, - и-заводы: шы́нный и-азьбéстовый фсё в-одну́ проходну́ю... И-тáм бомьби́ли. Потому́-што мóст-от шьчерьти́ли, а-онé-тут у-мостá... Мы-ту́т-вот тунэ́лью фсё ходи́ли в-завóт. Нéмцы! А-евó слови́ли - óн расказáл фсё. Шо... што-нáс вы́садили. Тáм мальчи́шкам онé дáли дéнек, а-мальчи́шки и́х отвели́. «Отведи́, - говори́т, - меня́, где-заводы, где-шкóла: што-рáненые бу́дут лежáть... ф-шкóле-то» Дак-тáм мóст-от, завóд-был, фсé-туд заводы-та. Тóт мальчи́шкам-та дáл дéнек, штоп-ему́ шьчéрьчивать.

И вот бомбят, а я с ребёнком. Что делать? Муж принёс документы, и пришлось мне ехать в деревню, пока что уладится. Поехала к его родителям.

Приехала осенью - рожь жали. И сразу пошла на жнейку. С ребёнком свекровь. И ещё двое [из детей свекрови] в школу не ходили, малы были. Свёкор утонул - не было.

Работы я не боялась - всё умела. Которые женщины в деревне говорили, что я городская - не умею ничего делать, но с первого дня я им показала!

Пойдём з-бабами жать - оне устанут, сядут оддыхать: «Маня, посиди с-нами: ить-тежэлô, сьпина болит!» А-я малинька - у-миня сьпина не-болит: жну да-попёрдываю! Да-и-не-пёрнеш с-картôшки-то - тôко бзьдиш: пшык, пшык.

- Шустрая была, хоть-куда пошлют - фсё умела.

И жать, и вязать, и косить, и топором рубить, кол подточить. Все в деревне стали говорить, что бойкая, всё умеет. Пойдём огороды городить - умею рубить.

Эвакуация завода и гибель мужа

И вот война. Муж пишет: эвакуируют в Омск шинный завод и мужа, сестру с зятем - всех.

Приехали они в Омск. Сестру, семейных в бараки, дали квартиры, а муж один - пошёл на частную квартиру. И пишет: «Приезжай!» Не шутка - с ребёнком поехать в Омск!

Я поехала в город: надо пропуск и не дали, вернулась. Пришлось жить у свекрови. [У той] пять детей: двое работали, а трое не работали.

Я работала с пяти утра и до пяти вечера и пришлось и голодной быть.

И так все в деревне меня полюбили! Соседки хорошие.

Муж пишет, что его берут на фронт. Только два месяца пробыли в Омске - и на фронт: добавочный состав из Сибири под Ленинград. Так он все вещи увёз к [моей] сестре [Александре]. Он на Рабочих, на 16-й Рабочей был[1], а сестра в Куломзино, на Новостройке, в бараках[2]

И все восемь писем [от мужа] были из дороги. Последнее бросал в Галиче, под Ленинградом.

Только пошли в бой - первый день, 19 марта 42 года - и убили. Прислал письмо его друг: «Ваш муж Колтаков Иван Николаевич убит».

Я сильно плакала.

Письма все сожгли, похоронной нет. Я писала три раза в город Подольск[3] - мне отвечают: «Не значится в убитых».

И что: свекровь меня просила пойти за брата моего мужа, но я, дура, не пошла: у него больные ноги были. И она меня отделила: дала мне избу (один коридор), дала козу, овцу, курицу. Я козу отдала ей [обратно] и курицу отдала, овцу зарезала, выменяла муки два пуда. В колхозе не давали хлеба: трудодней

много, а есть нечего. У всех огороды, а у меня нет ничего. Я так плакала, что соседи пришли. Свекровь она говорит, что ей сказали, что я у неё корову заберу. Мне ничего не надо: ни дома, ни коровы!

Пошла я в колхоз. Предколхоза был старик с бородой.

- Иди, - говорит, - неси мешок и ведро.

И он мне дал два пуда муки и пять кило мяса, да говорит:

- Что-нибудь подбавляй.

Вот, все спиливали липы и мне дали. Где мякины...[4]

Меня бабы жалели.

Я чистила два колодца: 12 метров глубины! Меня нужда заставила. Палки выкидаю, потом ковшом песок вычерпаю, и пойдёт вода. Мне за это договор: каждый день приносили кринку молока и кусок хлеба половина деревни. Раз пришли - и ещё стали носить, и второй раз принесли.

Смерть ребёнка и отправка на работы

И опять горе: заболел ребёнок.

В садике с печки летом упал. Была няня-вертушка: засадила всех на печку[1]

Проболел полгода, с июля до 19 декабря, и умер. Похоронила - осталась одна.

И меня погнали на работы. За Устюг, за Красавино. Но меня не положено [было] отправлять, председателя дочь надо - он меня, дуру, послал.

У меня ни хлеба, ни одёжи не было. Я пошла домой к сестре [Афанасье], взяла шубу, чулки, платок - ещё всё девичье - и пошла. Соседка со своей муки напекла мешок хлеба. И пошла: я работы не боюсь!

Привезли за Красавино в бараки. Начальник Зобов - как зверь.

Я пошла на подвозку. Дали лошадь кадровскую[2] Я хотя маленькая, а запрягу хоть какую. Я пошла в лес, липы срубила, свила кнут - и пошёл!

Четыре месяца были в лесу. Давали 500 грамм [хлеба в день][2]. Мне легче было: навальщики были, свальщики были только управляй лошадью.

Но Зобов был очень грубый. В пять утра берёт за шкуру и из барака выбрасывает. Я ему говорю:

- Меня не бери! И никого в бараке не бери, не выбрасывай, а то напишу на тебя, и пойдёшь на фронт! Моего мужа убили, а ты издеваешься над нами!

И он никого не стал выбрасывать.

И ещё: только пришли в барак, соломы наложили на нары - вот вши, большие, белые, как облепили! Всюду: и в шубу... Так и не спали: заели вши! Четыре месяца - четыре выходных. И я ездила в Красавино в прачечную: там была знакомая. У всех в бараке мешок наберу, всё простираю, прокипячу - и больше того вшей!

Нас отпустили в Пасху - раньше, чем с других районов: реки разольются - в наш район не попасть. Шли домой - пять районов надо пройти. Лапти сорвались, ноги нейдут - как кто выбил! В деревне зайдёшь просишь ради Христа. Хотя картошку или редьку просишь - «нет, все голодные сами». Но у меня было муки гороховой кисель заварю. Ещё двое было друзей: с Осинова мальчик Петя и Маня с нашей деревни, со Скочкова. Надо и их домой довести.

Вот пришли, а у Пети родители хорошие - я неделю жила, дали мне лапти, отдохнула - и 12 километров домой пешком.

Пришла - мне предколхоза наделил огород. Пахали огороды на себе. пять баб за верёвки и шестая за плуг. И то надо в три часа ночи до пяти утра, а потом - на колхозную работу. Я баб замучила пахать: всё стоптано. Надо, опять, боронить - одна борону таскала.

Пошла к сестре - 70 километров. 20 километров пройдёшь - хуторок Кудонга, 20 километров - хуторок Баданки, 5 - Калинкины, 12 Веденихи и 20 километров - Путилово. Лес, тайга, зверей много - но Бог миловал.

Зимой волки нападали.

Всё пешком!

Дала сестра ячменя, овса, и посеяли. Принесла в котомке пуда два картошки. Со всей деревни мне несли по ведру: так меня люди жалели. Я вот пишу и плачу.

Уход из колхоза и переезд в Омск

Так в колхозе работала - и опять, говорят, меня на работы гонят! Я прочикала им жопу, грабли на плечо - и ушла жить к сестре [Афанасье] во свою деревню [Путилово].

Кончилась война - я переехала в Омск. Но по вызову: так не приедешь! Зять мне выслал, у которого в Ярославле жили. Очень хороший был!

Они жили в бараке на Новостройке, в Кировске[1], я жила у них.

В 46-м приехала в Омск, в марте. Такая грязь, а я в валенках!

На Новостройку опять зять меня устроил, в слесарный цех: три токаря, четыре слесаря, механик, мастер и расчётчица, два плотника.

Поступила в цех инструментальщицей: выдавать инструмент слесарям, токарям и убирать [помещения].

Инструментальную, и контору, и цех всё убирала я. Инструмента мало было: всё растащили. Я ничего не приняла [по акту] да и сижу. Механик Малков Иван Михайлович уехал в Воронеж, и слесарь, который главный, Володя Терёхин, уехал в Воронеж. Когда я стала уходить, механик новый, Павел Раздьяконов, мне «всё, - сказал, - сдай по актам». До меня всё утащили! Хорошо, мастер Калерия Андреевна Зажигина была, и Дора Кирилловна Зорина, и Леонид Николаевич Зорин вот, подтвердили, что ничего не было.

В 48-м году я перешла с Новостройки в город, на шинный. Тут в 48-м, в марте, поступила в 9-й цех на перекатку прокладки.

Второе замужество и второй сын

Когда переехала с Кировска, я вышла замуж за инвалида. Но я с ним не регистрирована: не было похоронки на первого мужа, и не регистрировали.

Он без ноги, на костылях ходил, мой второй муж - Кравченко Иван Федотович.

Жили у его брата - Кравченко Василия Федотовича. У брата двое детей и мать ещё, старенькая. Питались вместе. Но мать такая: всё тащит дочке. У неё дети трое были на 10-й Рабочей, и до сих пор дом их там. Зять и моя золовка умерли, живёт их дочь.

Вот, прожили мы два года - я стала питаться отдельно: брат [мужа] любил выпить, и всё нам есть нечего, баба тащит.

Муж без ноги без правой, культя 8 сантиметров от бедра. Я заставила сделать протез. Он сделал.

В 49-м году родился сын.

Вот того сына, в Ярославле, родила в больнице, в 39-м году, а от безногого родила в 49-м году на Московке[1] под берёзкой.

Пошла обкучивать картошку. Было посажено много - два с половиной гектара, и всё я одна обкучивала.

Свекровь была такая: всё дочке утащит, а мне и дома нечего поесть, и с собой взять нет. В шесть утра пошла босиком. Семь километров надо идти. Не ела дома и с собой взяла сухарь, кусок и бутылку воды.

500 метров до 12 часов обкучила.

Была туча, дождь - и мне пришлось родить. Вот - садил лесник картошку, обгорожено колючей проволокой. Я перелезла за проволоку и родила сына, 1 килограмм 900 грамм.

Шли доили коров Мария Павловна[2] с внучкой, а сын плачет. Девочка:

- Баба, ребёнок плачет!

Вот пришла баба, отрезала пуп, завязала ниткой. Девочка сбегала к сторожу - он дал нож, и тётечка нитку из сумки вырезала - пуп завязать.

В семь вечера привезли в больницу - сама грязная, ребёнок грязный.

Привезли в больницу - голодные. Женщины говорят: зачем я пошла? Я им говорю:

- Накормите меня: с голоду умру.

Как только мы выжили? Ребёнок голодный![3]

А теперь 46 лет. Здоровый, кудрявый. Но тихий: не пьёт, не курит[4]

Дом на 11-й Рабочей

Задумала построить свой дом. Надо получить участок.

Вот, стали подселять на огороды[1] У Василия огород большой - я послала Ивана, чтобы место нам дали. Пошёл. И пришёл техник - намерил нам место на огороде.

Я стала искать лес. Всюду бегала. Нашла на Северных[2]: дядя на лошади наловил с Иртыша и продал нам на столбы, на дом. Я рада. Нашла машину, привезли. Иван всё обтесал.

Брат против был, но он [Иван] как инвалид квартальная сказала:

- Пусть строит, не имеешь права [мешать].

Вот мы с ним стали закапывать столбы.

Я таскала камней. Кирова улицу[3] делали - была грязь.

Мы с Иваном выкопали под столбы [ямы]. Не очень прямо, но поставили.

Я опять [в поиски]: тёс надо - оббивать. Я нашла мастера на пилораме, с ним договорилась - он мне привёз горбыля машину - 4 кубометра и 3 кубометра тридцатки в шпунт - ровная доска. Деньги у меня были. Иван оббивал. Гвозди, всё - я находила.

Мы за год сколотили небольшой [насыпной дом]: одна комната да кухня. Леса осталось - и ещё комнату [окнами] в огород к этому дому пристроили. Я, правда, нанимала стариков: Жуков Алексей и Тимохин Иван потолок и пол настелили. Дранку Иван оббивал.

Мазала я сама. И раствор сама делала. В подполе глины накопаю, натаскаю туда воды, навозу привезут - спущу и топчу, а потом раствор наверх вытаскиваю и мажу. Большую яму, подпол глины вытоптала. Навоз с птичника привозили на лошади. Конский навоз[4].

[Ни] брат не помогал, [ни] сестра его - обиделись: хотели, чтобы мы с ними построили и жили вместе - я не пустила.

Потом у меня заболели ноги: холодная вода, да столь стоптать! Нанять не на что было.

Потом, в 58-м году, этот домик мы продали за 30 тысяч и купили у соседа напротив за 45 тысяч. И опять всё переделывали: батареи ставили, комнату отдельно квартирантам делали отдельный ход.

Вот квартирант помогал. Жили немцы: муж с женой и двое детей. Десять годов жили. Потом они купили дом на Чередовых улицах[5]

У Ивана пенсия маленькая была: 4 рубля 50 копеек, потому что на фронт его брали из колхоза[6]. И он пошёл работать сторожем. Ночь дежурит, две дома. На протезе с палочкой ходил и дежурил в магазине на 23-й Рабочей.

И вот там магазин: хлеб, продукты, а за стеной - промтовары, материалы. В одно время материалы убрали, а чердак - коминь не забили. И 3 парня хотели набрать водки - залезли туда и давай сверлить дыру. Иван услышал, вышел на улицу, видит: они там. У него ружьё двухствольное. И он стрельнул раз и со второго [ствола] - второй. Ребята прямо соскочили и убежали. Он без ноги - не догонит.

Потом коминь забили.

Ребята боялись его, что ружьё есть - не стали ходить.

Там, в магазине, и умер: инфаркт. 2 января 71-го года.

Всё любил выпить и падал пьяный. Да всё ругался[7]

Бог с ним.

Вот ещё история. Жили квартиранты 8 годов, но не прописаны: Карпенко Александр Тимофеевич и его жена Валентина. Сын ещё [был у них, но] на Московке жил. Я после смерти Ивана выходила за одного деда, но прожила у него недолго. Вернулась в свой дом - и квартирантка взяла меня выбросила из дома! Говорит:

- Уходи, я хозяйка! Я тебе, - говорит, - выплатила за дом [за] восемь лет!

А не прописана!

Я в милицию пять раз ходила - зима, не уходят [квартиранты] и всё! Я пошла постарше к начальнику. Он этого, к которому я ходила, позвал и сказал:

- В два дня освободи дом.

И пошли как миленькие: освободили! Ушли к тётушке, где они прописаны, но там недолго прожили: [Валентина] тётушку набила и дочь Машу набила, и зять через два месяца их выгнал.

На заводе «Омскшина»

На шинном заводе я сперва работала перекатчицей прокладки в 9-м цехе.

Цех маленький: два больших станка и два маленьких. Два человека: одна разбирает прокладку, другая катает. Нужно, чтобы была не смята. Валики по 10 метров на бобинах. Надеваешь валик на шланг, есть педаль - наступаешь на педаль, и она крутится. Но есть палка выше, чтобы ровнялась прокладка: перекинешь туда [через палку], и идёт ровно. Прокладка эта нужна на каландры: идёт горячая резина, в неё закатывают потом. Идёт и идёт резина - отлучиться никуда нельзя. Подменит мастер - сходишь в туалет, не подменит - терпи, как хочешь. Такая работа.

Заработок мал.

Мы работали: Чернова Наташа, Дурнева Фрося, Федулова Анна и я.

Прокладку нам привозили на тележках и увозили.

Эту прокладку, когда в неё накатают горячую резину, увозят на браслетные станки. Потом она освобождается и делается мятая. Вот мы и катали.

Мало зарабатывали - 40 рублей.

И перешла возить эту прокладку с 3-го и 2-го этажей (мы в нижнем этаже). И зарабатывать стала по 90 рублей.

Муж получал 4 рубля 50 копеек пенсию: он из колхоза был взят на фронт - вот так платили!

Это один цех: что катать, что возить. И вот пошла возить прокладку с 3-го этажа и со 2-го. Тележка на двух колёсах. Нужно на лифт завозить. Тележку спустят, а меня - нет: нельзя. Ходила по лестнице[1]

И ещё была труба с третьего этажа. Я скидывала в трубу только такую [прокладку]: длина бобины 70 сантиметров, а метровую нельзя - застревает. И вот один раз застряла труба - я полезла пробить. Привязала валик, чтобы держаться, но руки

устали - и я пробила и улетела с третьего этажа вниз Начальник Рива Львовна ругала меня.

И возить по плитам очень тяжело на двух колёсах: много наложишь[2]. Но надо было!

- Я-вот однá возúла, потóм, в-другóй сьмéне, другáя Однá на-фсю́ сьмéну. Я по-лéсьницам на-трéтий этáш, на-фтоóой этáш - фсё по-лéсьницам ходú. На-лúфт-от не-пускáют. Нельзя́, гооря́д, задáвит телéшка. Тáк. Человéка не-пускáют. Нý, я в-однóй сьмéне, другáя в-другóй. Трú сьмéны быlо. По-вóсемь чесóф рабóтали. В-дéнь с-восьмú до-четырёх, шь-шетырёх - до-двенáццати, зь-дьвенáццати - до-восьмú[3] Это в-нáшом цэ́хе. А-в-другúх цэхáх - уш-тáм это... не-нáшо дéло. Тáм другúе цэхá - такóй рабóты нéт, тóлько у-нáс... былá перекáтка. На-трéтьём тáм [через территорию] *нáдо переходúть - тáм браслéты дéлали, как-вот-я вь-Ярослáвле. Почемý-я не-пошлá тудá тогдá Вь-Ярослáвле я́ рабóтала скве́йшмашынúской. Нý, прáвда, не-зьдéсь. А-прóсто тáк* [в Омске не пошла на эту работу]. *Приéхала - мóгот, мéста нé-было. Устрóилась на-перекáтку. Я иё быlстро освóила: чё-тут... заступúла да-и... пошóл! Мнé нрáвилась рабóта. Я вопшэ́ быlстро привыкáю фсю́ду-везьдé.*

Мало зарабатывали - перешла на подвозку. И вот шесть годов отработала на подвозке - в 53-м заболела: навозила себе грыжу. Делали операцию грыжи, и после операции перевели в швейную - на лёгкий труд.

- Нý, я́ ф-швéйной немнóго рабóтала, пять лéт. Тóлько по-болéзьни меня́ перевелú, потóм ушлá. Фсё на-перекáтке робóтала, а-потóм смáшшыком робóтала... посьлéдьние гóды. Мáло-мы тáм зарабáтывали, ф-швéйной. Рулóны-те большыlе шыlли. Я шыlла. Сóрок пять мéтроф рулóн. И-фсё шыlли, шыlли: рукавúцы, фсё... спецóфку... штаныl-да... Дá... Я и-кроúть, и-шыlть. Мнóго: трúццать пáр накроúть, двáццать пáр шшыlть [рукавиц] *Не-пошъёш - потрýдишса-их, рукавúцы-те: покá-это пáльчики пришъёш, потóм... сошъёж-да, выlвернеж-да... фсё штоб-быlло... Хм... Ну-вóт, я́ былá шýстрая. Тепéрь не-шýстрая-вот сижý. Штó зьдéлаеш? Стóлько жывý!*

- Лáдно-вот, пéньсию получя́ем хорóшую, всё éсь. Éш на-здорóвьё. Берú. Нý, а-берý-то тепéрь-ужэ тáк.. Фсю́ жыlсь рабóтала, сь-семú лéт. Фсё рабóтали, как... рабóтали фсё на-

сибé. Вóт плéчи болят - почемý? Фсё на-сибé, на-сибé... песьтери-да, сýмки-да, фсё...

- Вы рассказывали, что Орлова Вас однажды выручила. Как это было?

- Однá-там подвелá [меня]. *Знáчьт, онá у-нáс на-калáндрах учёччицой рабóтала. Учёччицай. Нý, а-я, дýра, возьми да-скажыl-да... Я пришлá в-дýш, а-онá тáм сидит. Áнька звáли. Áня звáли, онá учёччицай рабóтала. Захожý в-дýш, онá сидит-там кýрит. Нý, и-стáла-мне, знáчит, штó? Грьт... Онá-грьт: «Я у-Ц.....к взелá ф-шкафý бéлый матерьял». Áнька эта. Ц.....к - онá у-нáс начяльником робóтала ф-швéйной. Онá* [Анька] *сидит кýрит, да-и-говорит: «Я у-Ц.....к взялá, грьт, бéлый матерьял, двáццать мéтроф. Нáдо шшыlть». Онá* [Ц.....к] *у-нáс ф-швéйной рабóтала начяльником. Каг-бýтьто принеслá эта Ц....к, полóжыла ф-шкáф, а-Ч......а тýт фсё сидит кýрит, онá... матерьял-от уташшыlла домóй, Ч......а-та. Óт. А-я, дýра, возьми - сижý-там, пришлá Б....а да-и-начелá-туд говорить. А-я грю. «А, Ц.....к самá вóр: взялá матерьял, поклáла ф-шкáф, а-Áнька Ч......а, грю, уташшыlла домóй». А-миня взяли да-на-сýт подáли. За-тó, што-я сказáла тáк-то на-Ц.....к. Што-я на-иё врý. А-мине - жо Ч......а сказáла это. А-я, дýра, возьми да-Б.....й скажыl. А-Б....а побежáла к-нéй. Онá миня подалá на-сýт. Што-я зачéм тáг говорю.*

- И-Ирина Ивáновна Орлóва на-судé... Пришли судить меня. Привели ф-крáсный уголóк судить. И-кáк эта Орлóва Ирина Ивáновна выlступила: «Кáк-вам не-стыlдно? - гт. - Твоя, Ц.....к, твоя сестрá неслá чехóл мяхький и-матерьялу, да-нитки капрóновые неслá. Иё хотéли ф-косомóл, - грьт, - принять, а-онá своровáла! А-зачéм-вы зря на-человéка говорите? Чюжыlе словá - зачéм-это выl иё сýдите, - грьт, - кáк вáм не-стыlдно, што-сýдите-вы иё за-чюжыlе словá? Говорила Ч.....а - пýсь Ч......а, - грьт, - отвечяет. А-зачéм-жо Колтакóву позóрить?» Вот-тáк. Миня на-сýт привели, а-мнé стыlдно: я ничё не-своровáла, вот-тáк, а-говорят... Ирина Ивáнна выlручила миня. На-судé прямо. Онá пришлá и-говорит: «Штó выl дéлаите? За-чюжыlе словá человéка позóрите, сýдите? А-твоя сестрá, - горьт, фчерá принеслá чехóл мяхький такóй, и-двáццэть мéтроф матерьялу, и-капрóн. Хотéла пронесьти, а-иё словили. Хотéли иё ф-косомóл принять. Ц.....к сестрá. «А-тыl, - грьт, - человéка позóриж за-чюжыlе словá. Ч......й говори, рас-Ч.....а говорила». А-я плáкала... Орлóва - рабóтала на-калáндрах онá. На-калáндрах онá робóтала. Глáвной, как-мáсьтер. Мáсьтером робóтала. Онá сь-Ленингрáда. Онá справедьливая жэньшына.

- И-Ч.....на убежáла ис-судá. [Орлова] *грьт: «Идú и-не-болтáй языкóм своúм! Позóрить человéка за-чюжыle словá! Кáк тибé не-стыlдно!» Óт. Мнé ничевó не-присудúли. Тóлько стыlдно быlло. Да-и-чё быlло? За-чюжыle словá - нáдо-жо мнé сказáть тáк! Х'ч! А-Б....а рабóтала электрокáршыцой. В-нáшом цэ́хе на-лектрокáре робóтала. А-я́-туд, дýра, сижý: онá поцьсéла ко-мнé, началá говорúть, а-я́-ей, дýра, возьмú да-и-скажыl: «Ц....к самá вóр, а-тепéрь обьвиня́ет фсéх: и-тóт укрáл, и-тóт укрáл. Самá матерья́л утаскáла ф-шкáф, а-Ч.....на у-ниé утаскáла домóй, вóт». Вóд, Борúс Ывáнчь, Ирúна Вáнна былá онá справедлúвая жэ́ньшына, хорóшая. Умерлá онá, иé нéт.*

- А почему на каландрах работали по 6 часов, а не по 8: там что, вредно работать?

- Врéдно. Вопшэ́ врéдныё у-нáс цэхá. Шýтиш-ты: резúна горúт-фсё, вóздух такóй тежóлый! А-мыl по-вóсемь чесóф, смáшшыцы, рабóтали. Мыl попадáли во-фсé сьмéны. Я́ смáшшыцой пять лéт рабóтала, посьлéдьнё врéмё [перед пенсией]. *Ф-швéйной пять лéт робóтала, на-перекáтке. Вопшэ́ трúцть лéт. Шыlнный. Дéсьть лéт в-Ярослáвле, двáццать лéд зьдéсь. Гря́зи наглотáлась. Возьмёш кусóк хлéба не-поéш: пáхнёт резúной, полежыlд-дак. Я́ из-дóма, быáло, крýжычьку возьмý капýсты да-картóшычьки - вóт, обéт у-мня́ быlл. Ф-столóву... штó: фсé дéнек нéт! Чё-он* [муж]: *инвалúт-веть. Чё-он: четыlре пейся́т получя́л. Борúса нáдо быlло воспúтывать. Я́ фсё, бало, капýсты крýшку да-картóшки возьмý да-и-тáк в-обéт ся́ду да-поéм. Ф-столóву не-фсегдá ходúла. Éсьли ф-столóву пойдý, дак-мыl з-Дáрьей Сьтепáнной возьмём, пополáм тарéлку сьедúм. Фсё, бало, Рúва подбежыlт: «Ви-штó: зарáзý розьведёте! Штó-ви с-однóй тарéлки едúте?» А-мыl однý тарéлочьку возьмём да... пополáм сьедúм с-однóй тарéлки. Дáрья Сьтепáнна - онá тóжа... У-нéй дóчька инвалúтка. У-éй двé дóчери. Двé. Млáтшая инвалúтка, Óльга. А-тý Мúра, Мúра звáть.*

- За-профсоюс платúла фсéх фперёт. Заплачю́ ишшó полýчьку не-получúла, уш-уплачю́. «Óй, тёть Марýся, чевó-ты фсё э́то... фсé фсéх фперёт плóтиш? Лю́ди по-двá мúсьца не-плóтят, по-трú, а-тыl фсегдá плóтиш!» А-я́ уплачю́ да-и-не-дýмаю...

- Ф-сьмéне [в швейной мастерской] *дьвé швей, потóм Дáрья Сьтепáнна - э́то-вот онá мáсьтером рабóтала. А-сьмéна* [ей] *былá - Лида Федосéева. Онú тóлько в-дéнь робóтали. А-мыl в-нóчь недéлю, фторýю недéлю, да-в-дéнь недéлю, вот-тáк.*

Это тот же цех, начальник один - Рива Львовна, еврейка. Я [из-за неё] ещё добавила болезнь. Уйдёт домой, откроет окно [в кабинете], а дверь на замок. И я сидела [на своём рабочем месте] у двери - продуло спину, позвоночник заболел: спондилёз позвоночника - голова вниз не сгибалась.

И болела три месяца. Лежала в нервном [отделении] один месяц, лечили· мозгу [спинного] брали, пункцию делали. Большая игла и с заду в крестцы брали мозг. Очень трудно. Делали подсадки на плече мясо, ещё кусочки прикладывали. Всё рассосалось. И один месяц на курорте была в Белокурихе[4]. Радоновые ванны помогли.

Пришла в цех, а меня уже из цеха перевели на стройку - в другой цех! Я пошла к заместителю директора, был Деев. Он им так позвонил, что с работы снимет Риву. Она бежит кричит:

- Ви хорошая работница! Где ви были? Иди и работай у нас!

Так я пять годов проработала в швейной и ушла.

Когда я пришла в швейную, я всё кроила: рулоны 80 метров, 45 метров и рукавицы. На всё была норма. Потом я шила на машине. Две машины было. По сменам работали: с 8 часов до 4 часов, с 4 часов до 12 ночи, с 12 до 8 утра. Были два мастера: Белобородова Дарья Степановна и Федосеева Лида - нам работу писали.

Заработок мал - 40 рублей. Шить - норма: 5 рулонов по 45 метров, 3 рулона по 80 метров. Надо два раза прошивать всё.

Заворачивали горячую резину на каландрах, корд и чефер.

Из швейной ушла я: мал заработок - 40 рублей!

Я перешла перед пенсией на каландры смазчицей: 9-й цех присоединили к каландрам 2-го цеха. И пять лет работала - смазывала машины. Маслёнка с ведро. Принесешь масла и заливаешь через 20 минут в вальцы. Второе ведро - солидола - сразу заложишь, и на всю смену. В конце смены всё убрать. Вот такая работа.

Мы работали по 8 часов в три смены. Заработок 87 рублей.

Но ещё вопрос. Я в праздники всегда дежурила: в Май, в Октябрьскую - по 3 дня в заводе сидела в цехе, потом брала отгулы[5]

И пошла на пенсию в 65-м году. Мне подарили люстру да самовар электрический. Я приглашала приходили проводить. Слесаря хорошие, механик хороший - Иван Николаевич Кольцов.

В цехе каландров начальник была Надежда Ивановна Бурлак, [начальник] 2-го цеха.

Заводские подруги

Ещё я познакомилась на шинном с подругами. Очень хорошие: не курят, не пьют.

Белобородова Дарья Степановна - ей сейчас 89 годов[1] - она работала в швейной мастерской У неё муж Иван Андрианович. Но он умер в 73-м году Даша очень хорошо готовила. она в молодости в прислугах жила. Никогда худого слова не скажет, на ты человека не назовёт - всё на вы.

И ещё подруга - Моисеева Парасковья Андреевна. Тоже не пьёт, не курит. У неё одна дочь

Вот мы в праздники ходили друг к другу или в день рождения, но мало совсем пили. Напечём чего вкусное - вот, отметим

Летом я ездила за груздями или за ягодами Дарья Степановна оставалась у меня в доме И ей привозила. Ездила далеко - 120 километров, за Большеречье[2] Ночевала там: в Решетникове[3] племянница жила.

И теперь я их [Дарью Степановну и Парасковью Андреевну] хожу проведывать. Все стали слабые: годы своё берут!

- *У-Дáрьи Сьтепáновны дьвé дóчери: Óльга и-Мúра. Óльга в-деддóме былá. Как-во-врéмя войны! отвозúли от-родúтелей детéй, и-эту дéвочьку увезьлú. Совакуúровали... Родúтели оставáлись* [в прифронтовой зоне], *а-детéй увезьлú И-онá былá в-деддóме. Пóсле войны! стáли находúть родúтелей, у-ковó жывые, и-развозúть. Вóсемь лéт-ей* [Ольге] *было. И-в-деддóм приéхала жэньшына. Онá приéхала за-своúм ребёнком, мáльчиком. А-мáльчика нéт óн ýмер И-éй восемнáццадь детéй, гт, поручúли, вóт, штобы-онá остáвила на-тóй стáнцыи... узнáли, гдé родúтели, у-ковó хтó А-эту дéвочьку узнáли тóлько, што-брáт в-áрмие, воéнная чясь-там Когдá привезьлú на-стáнцыю-то, а-нихтó не-фстречяет* [потому что воинскую часть перевели в другое место]

- А на какую станцию?

Нý, вот-не-могý сказáть. Это тáк мнé роскáзывали. Оставляед жэньшына-та [Ольгу на этой станции] *онá не-остаёцца. Пóезд-от трóнулса, дéвочька-та заскочúла, а-онá ие столкнýла с-пóезда-та Вóт - у-иé отьнелúсь нóги Тринáццэть лéт онá лежáла в-больнúцэ. Онá грáмотная дéвочька, учúлась. Хорошó вышывáет, вяжэт хорошó. Фсякими рисýнками фсé вышывáет да-вяжэт фсякими рисýнками. Рукавúчьки шыла. Вóт, мáть-то ие нашлá такýю Тринаццадь годóф онá лежáла Нашлá такýю калéку привезлá Фсé лежáла дóма Потóм Нý,*

видиш, уш-она [мать] *сичяс старинька: восимисяд деветь лет, она сама сибя не-могот обихажывать. У-ней квартира, фсё... дак-не-могот сама сибя-уш... слабая стала. Она оддала иё* [Ольгу] *прошлой гот* [в дом инвалидов]. *На-Москофку. Я-вот ежжу иё проведывать, и-мать езьдит. Ф-такую погоду поехала!* [В доме инвалидов дешевле продают свечи] - *вот я-поеду было, полсотьни наберу, ф-цэрькофь-ту пойду и-ставлю: четыре, пять сьвечёк. Ф-цэрькве дорожэ. А-там у-ней видиш-вот: приехал епископ, их причешшает, исповедывал фсех ф-пост-от. Вот. Ну, и-сказал: берите, кому надо, хто замолит, сьвечьки бесплатно дают.*

- *Хорошая девочька. То... то-свеклы сушоной че-то ей много дали, дак-она мне такой мешочик... Я-ей привезу фсегда каньфетак - любит, сладкаешка такая! Привезу яблачяк. Вот-вы давали каньфетак - я ей увезла, сама не-одной не-сьела. Фсё увожу* [Мать] *она у-ней слабая. Просит: приходи почяшшэ, приходи почяшшэ. Мать.*

- У матери-то квартира благоустроенная?

- *Квартира есь у-ей. Да, благоустроеная. Она жыла с-внуком, с-Васей. Ну, у-ей внук-от непутевый.*

- А что он?

- *А-работать не-хочет, а-выпить хочет. Теперь ево так ызьбили, так ызьбили - ужас! Он типерь и-не-ходит, пнём сидит так изьбили. Пить пьет, а-денек-то нет, а-чё ево фсё будут поить? Нашли ево изьбитова. Дак-теперь-уж забрал ево отець. Иш, у-ево мать с-оццом не-жыла. Разошлись. Фсё отец-от пил. Дашына дочька - Мира-та - вот-она не-стала сь-ним жыть. Он жэнилса на-другой. Он сечяс не-пьет. Трое детей у-иё. Он пришол на-троих. И-ишшо оть-нево ребенок, петнаццэть лет парню. И-вот теперь изьбили сына-та, жалко ему. Забрал А-Даша-веть не-могот ево обихажывать. Она-уш немочьная. Ей дочька* [Мирра] *приносит еду. Наварит фсё, принесет.*

- И Дарья Степановна одна живёт?

- *Нет, она жывёт с-Васиной жэной. У-иё двоё ребетишок. Комната тут у-иё. У-ей была одна комната - оне взяли выминели: «Давай, бабушка, комнату проминяем». У-ево* [у Васи] *была неблагоустроеная, только холодна вода, а-за-иёную комнату он выминел три комнаты. Дак-теперичи што-он? Не-плотит алименты. жэна спросила: «Давай за-лименты квартиру!» Квартиру за-лименты взела. Ево выписала: «Иди гуляй, куда хочеш». Вот-так-вот. Фсё пьёд да-пьет. Допилса, што-исколотили ево, нашли-вот - изьбитова. Так-теперь в-*

больнйцэ лежáл мéсьца двá. Вóт. Ф-себé, пришóл ф-себя́ - фсё-ровнó-он ходúть не-мóгот: тáк-уш евó исколотúли. Пýсь типéрь кáецца. Типéрь отéць евó взял... Сáм [отец] *пúл, Мúра евó вы́гнала: фсё стáл из-дóма ташшы́ть. Телевúзор такóй здорóвой уташшы́л. Во-сарáйке фсё пропьёт. Тáшшыт, по-дешóфке продáз да-пропьёт. И-сы́н такóй бы́л... Дáша - онá такáя спокóйная, хорóшая. Мы́ сь-éй как-подружы́ли, никогдá онá не-пьёт, никогдá не-заругáецца никакúми словáми. Хорóшый человéк. Вóт-мы и-тýт ы-дружы́ли. И-я́ не-привы́кла пúть. Вóсимисет одúн гóт, а-я́ вóтку не-люблю́.*

- Это на заводе вы с ней и подружились?

Я́ как-сюдá поступúла на-шы́нный, зьдéсь, а-не-в-Ярослáвле... Я́ пришлá на-шы́нный завóт, и-срáзу кáк-то я́ сь-нéй подружы́лась. Познакóмились, и-вóд до-сúх пóр фсё... Онá мáсьтером робóтала у-нáс ф-швéйной. Ф-швéйной.

Про Дарью Степановну написала. Пишу про Парасковью Андреевну Моисееву.

Она меня моложе на 4 года. Живёт с дочкой Татьяной. У неё [у Парасковьи Андреевны] одна дочь и зять. Немец, но очень хороший. Так она им довольна: работящий! И ребёнок у них 5 лет, девчонка.

Вот мои друзья. Я к ним хожу, но мы всю жизнь зря не пили - только в Май, в Октябрьскую... Подруги непьющие.

Все старые: Дарье 89 годов, Парасковье 78 годов.

Хожу в церковь, а они не ходят[4].

Родственники

- А родственники в Омске есть у Вас, кроме сына и его семьи?

- Племя́нньники. Щя́с-вот Кóля-то, нáш племя́нньник, обучя́ед десáньтьникоф, полкóвник. Óн-был в-десáнтной... в-Рязáни учúлса. В-Рязáни. А-тепéрь óн ужэ́... Бы́л в-Авганистáне... Ḿт... Бы́л маёр, щя́с емý присвóили - óн полкóвник. Óт. Óн обучя́ед десáньтьникоф тáм тóжо-вот... Тáм онé фсé ф-Сьвéтлом[1]... Фсé рáзные, вúдиш: хтó на-тáнке, хтó в-десáнтной чя́сьти...Крáфченко Николáй. А-Борúс-от емý брáт сро́дной, мóй сы́н. Сро́дный брáт. Крáфченко Николáй Васúльевичь. Óн бы́л в-Рязáни, учúлса на-десáньтьника, а-потóм евó в-Авганистáн отпрáвили. В-Авганистáне фсéh друзéй прибúли. Óн остáлса чю́дом. Залéс пот-кáмень тáм. Онé хотéли душмáноф э́тех прибúть, а-душмáны-те спусьтúлись с-парашýтоф-та, да-в-ушшэ́льё-та! В-ушшэ́льё! Душмáны-те

подгледе́ли-их - да-и-дава́й туда́... би́ть-их... огня́... ис-пулеме́тов бомьби́ть. Фсе́һ, гт, прибили това́ришшэй. С-О́мска мно́го было. А-о́н чю́дом спа́сса. У-ево́ ка́ску пробило, шыне́ль у-ево́ вот-та́м... Тепе́ричи в-музе́е ево́ная ка́ска и-шыне́ль. Пробили фсё: и-ка́ску, и... Ну-пот-камня́м чю́дом спа́сса. Опа́метовалса - ево́ оглоу́шыло то́лько - о́н опа́метовалса да-скоре́й ра́цыю да́л. Прилете́ли вертолёты и-фсе́х э́теһ душма́ноф прибили. И-на́шы-те фсе́ лежа́т, и-душма́ны-те фсе́ лежа́т, ка́г, гд, дрова́, дру́к на-дру́ге... [Когда душманы напали], *команьди́р кричи́т: «Кра́фченко, бери на-себя кома́ндованьё: я́ умира́ю». Вот-та́к роска́зывал. Жу́тко-аш! Ту́д за-полчеса́ бу́деш седо́й! Фсе́ друзья́ лежа́т... А-тепе́рь полко́вник-он э́това... войсково́ё учи́лишшо, та́к называ́ецца. Ту́т-вод «Де́цкий ми́р», да-одь-«Де́цкова ми́ра»-там - вое́нно-войсково́ё учи́лишшо*[2] *О́н та́м... у́чит. Хоро́шый тако́й парене́к. Та́м... занима́ецца-он, оста́или та́м... Ну-о́н Бори́са моло́жэ. Бори́су со́рок шэ́сь ле́т, а-о́н моло́жэ ево́. Ну́, учи́лса-он нева́жно, на-тро́йки, а-вот-ви́ш: продьви́нулса. А-типе́рь учи́лса-он в-Москве́... где́-то три́ го́да, што́-ли... в-акаде́мие Фру́ньзе учи́лса в-Москве́.*

Бы́л-он ы-в-э́том... в-Украи́не. В-Украи́не. Жэна́ сказа́ла - уе́хать. украи́нцы фсё што́-то не-хотя́т розгова́ривать с-на́ми! О́н кварти́ру бро́сил, прие́хал суды́, у-ма́тери-вод жы́л цэлой го́т. Однoко́мнатная кварти́ра фсё-ишшо. Ну́, тепе́рь-то и́м да́ли кварти́ру. По-Диситиле́тию та́м-вот[3]*... До́чька у-ево́ взамуш вы́шла ужэ́. Одна́ до́чька. Жэна́ хоро́шая у-ево́. Хоро́шая жэ́ньшына. Ну́, о́н тако́й парене́к - стро́гий. Ево́ уважа́ют вопшэ́.*

Из Омска я ездила в Ленинград, и ещё ездила два раза за Калининград, в воинские части: там жила сестра, сын [у неё] полковник. И ещё ездила два раза за Караганду, в Приозерск: там жила [эта же] сестра с сыном. Военный - его переводили всё время. В Чирчике потом [они] жили. Потом в Ташкенте.

Сестра эта, Афанасья, жила сперва в Путилово. У ней мужа первого убили [на фронте], осталось трое сыновей: Сашка, Алексейка и Иван. Она вышла за Акимыча: председателем сельпо у нас работал. У него была жена и трое детей - бросил, ушёл к Афанасье. Я ей говорю: «Бог тебя накажет!» И наказал. Сашка, сын, полковник, когда за Калининградом они все жили, - её парализовало там. Акимыч её в Ленинград привёз - думал, вылечат. А не вылечили. Он её к Алексейке, к сыну, в Баку: тот тоже военный. А Алёшкиной жене её не надо. Они приехали ко

мне в Омск. Я им комнату отвела, говорю: «Живите, я ведь у вас жила в войну». Прописала их. Акимыча на работу устроила в ДСК[4]. А он всё пил да пил. Полгода прожили - Акимыч её бросил.

Она к сыну, к Сашке, в Ташкент уехала. А там летом жарко, всё жарко ей. Как апрель, её ко мне привозят. И до сентября живёт. Парализованная - всё под себя. На диване лежит, рядом ведро - она на диван нахворощет!

Может, пять лет, может, десять, не помню, так её каждый год ко мне привозили. Потом Наташа[5] родилась - я говорю: «Больше не привозите!» Её к Ивану увезли, к сыну - в Казахстане они жили. У них там кухня летняя, её там поместили. Её там не понравилось: «Немцы, немцы - не хочу с немцами!» Её в Котлас увезли: Алексея уж из Баку туда перевели. И там она и померла.

Я и в Иваново к сестре [Ольге] тоже ездила. Она в швейной мастерской работала.

Сейчас мои сёстры и братья все умерли, остались только мы с братом Алёшей. Мы с ним двойни: родились вместе и, видно, умирать вместе будем. Он живёт в Ленинграде. Во время войны их эвакуировали в Куйбышев, и там у него убило током жену - сейчас живёт со второй[6]

Я жила с сыном. Он вырос, женился, сделали свадьбу, а жить не стали. Потом он нашёл себе другую невесту.

Вторая женитьба сына и получение квартиры

Женила сына снова, и невестка [Рая] к нам не пошла жить. У неё [был] дом на 8-й Балтийской[1] и мать старенькая - одну не оставила: мать там жила. У неё есть сын - она с ним не хотела. У сына свой дом.

Пока умерла мать, там [в её доме] жили. [Мой сын] жил там 11 лет с тёщей. Ну, он не пьёт, не курит. У меня были прописаны[2].

Умерла мать сноха дом продала. Деньги с братом разделила: 6 тысяч снохе, 2 тысячи брату. И пришли ко мне жить. Две внучки - я их нянчила.

У меня жили полтора года. Наш дом снесли: расширяли улицу Кирова - дом помешал. Дали нам хорошую квартиру на

Левом берегу[3] 52 метра жилая, 75 общая [площадь], 3-й этаж. Очень хорошая.

За дом [нам] уплатили мало - 700 рублей, за гараж всего 230 рублей. Дом насыпной.

Слава Богу, хорошая квартира.

Ну, я умею все делать: лыки драть, лапти плести, тапки шить, бурочки шить - длинные и короткие. Вот 80 лет - я так не сижу по лавочкам: вяжу носки, рукавицы, продаю свой труд. Хотя милиция гоняют[4], но продаем. мы не украли - своё изделье, надо помогать детям. Я уже 30 годов на пенсии, но сошью, свяжу - и помощь! Я шерсть стереблю, спряду вручную: быстро всё умею. Свяжу.

Вот так приучили родители с малых лет. У нас все сёстры, братья хорошие были, жили дружно.

Сын у меня хороший. Всё ему помогла: купила машину (10 годов [назад]) и гараж купила, мебель купила, ковры, паласы, стенку «Ирину», три шифоньера с антресолями - всё я купила.

Питаюсь отдельно.

С невесткой не всегда ладим. Бог с ней. Господь нам судья[5]

Две внучки: Наташа 19 лет, кончила педучилище, и Оля 16 лет, кончает 11-й класс. Хорошие: учатся на пять[6]

Теперь, дорогие люди, как доживать: такая жизнь! И пенсию получаем, спасибо, но жить невесело. Страшно вечером выйти. И мы, старые, никому не нужны.

Ещё шинный завод пенсионеров не забывает: давали сахар, давали подарки. К Победе опять позвали - трудовую списали, что медаль[7] награды - всё списали. Дали подарок. Спасибо, что не забывают старых: мало осталось, все умирают.

Вот ещё беда: два года назад сломала ногу, левое бедро - полгода сидела. Ни приступить - одно горе - ни ходить! Ставили пластины, а через год вынули - хожу с палочкой.

Слава Богу! Есть Господь! Молиться, всех исцелителей надо просить. Молитвы все знаю. Сидела полгода - читала Библию. И три молитвенника прочитала: два старых по 500 страниц и новый. Праздники все знаю.

Я один год училась, но пишу быстро.

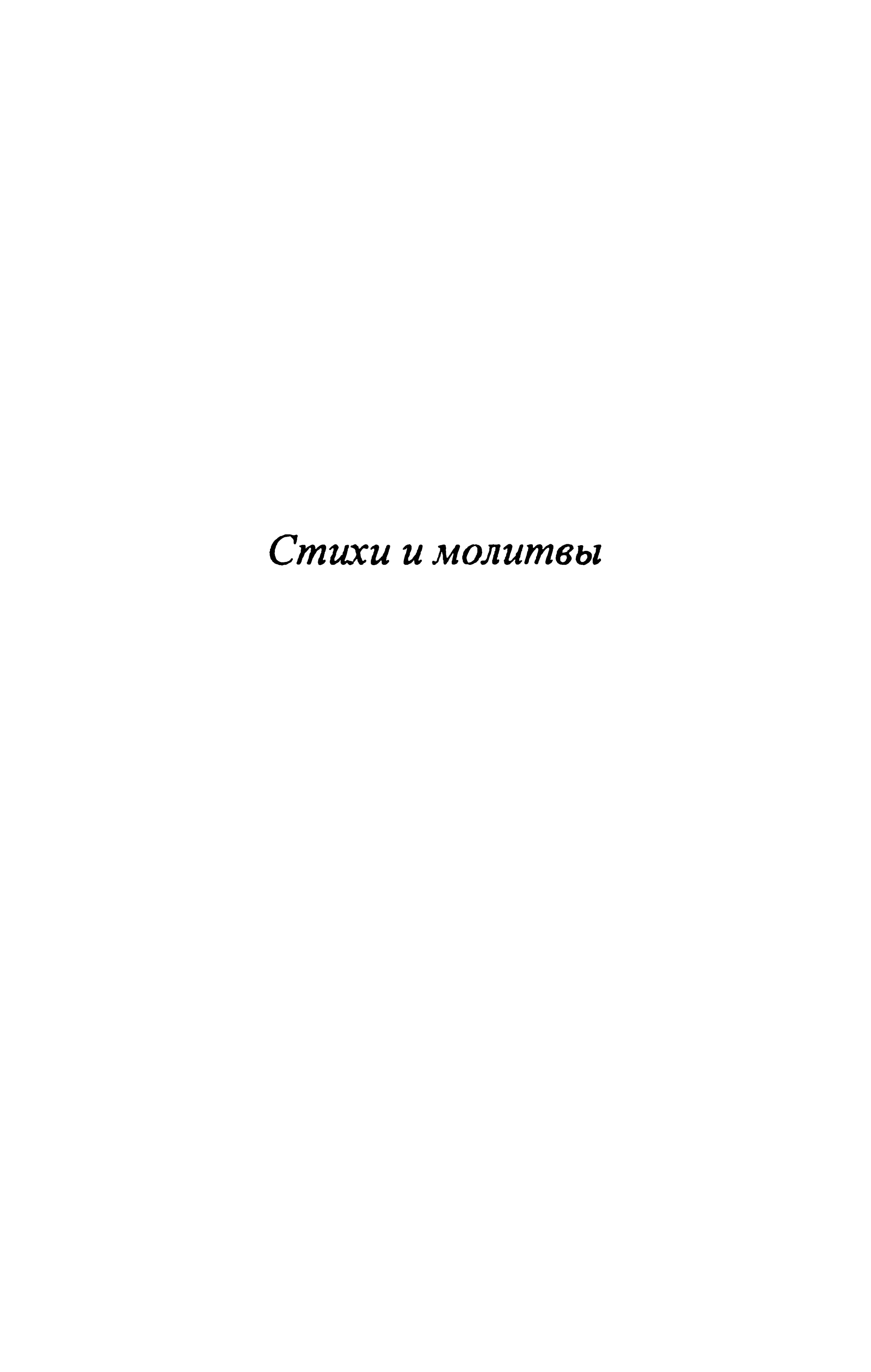
Память - пока ещё всё помню.

Вижу хорошо - правда, очки плюс 4. Слышу очень хорошо. С палочкой бегаю.

Хожу в церковь, молюсь Богу. Есть пять икон - ещё из дома все, с собой вожу.

Извините: я один класс кончила.

Простите ради Бога![8]

Стихи и молитвы

стих про маму
минуты горькая настала
мама милая прости, тебя мы больше не
увидим на этой жизни на пути.
свои руки трудовые ты сложила навсегда,
ты к нам больше дорогая невернешся никогда
сколько горя и заботы в жизни встретила своей,
нежалела ты здоровья для своих родных детей,
ты не знала недоедала неспала ты ночами
ты последний кусок хлеба нам делила пополам,
ты как с радостью встречала, провожала со слезами,
крепко к сердцу прижимала материнскою рукой,
никто в жизни незаменит мама милая тебя,
и никто непоцелует, неприветит никогда.
всех милее и добрее ты для нас родная мать
по тебе любовь и ласка в нашем сердце неумрет,
и тропа к твоей могиле никогда незарастет,
рано-рано или поздно мы к тебе придем дорогая,
прошла жизнь твоя земная вся в заботах
и в труде, слава вечная тебе.
слава вечная тебе,
нас было много мы сочинили про маму
стих когда умерла. в 39 году умерла мама
в 42 г. умер папа
мама в деревне народине умерла
папа в Куйбышеве эвакуирован с ленинграда
в 42.

Автограф «Стиха про маму»

Стих про маму

Минута горькая настала -
Мама милая, прости!
Тебя мы больше не увидим
На этой жизни на пути[1]

Свои руки трудовые
Ты сложила навсегда.
Ты к нам больше, дорогая,
Не вернёшься никогда.

Сколько горя и заботы
В жизни встретила своей!
Не жалела сил, здоровья
Для своих родных детей.

Ты по дням недоедала,
Не спала ты по ночам.
Ты последний кусок хлеба
Нам делила пополам.

Ты как с радостью встречала,
Провожала со слезам,
Крепко к сердцу прижимала
Материнскою рукой[2].

Никто в жизни не заменит,
Мама милая, тебя,
И никто не пожалеет,
Не приветит никогда.

Всех милее и дороже
Ты для нас, родная мать[3]

По тебе любовь и ласка
В нашем сердце не умрёт,
И тропа к твоей могиле
Никогда не зарастёт.

Рано-рано или поздно
Мы к тебе придём, дорогая![4]
Прошла жизнь твоя земная
Вся в заботах и труде.
Слава вечная тебе!
Слава вечная тебе!

Нас было много, мы сочинили про маму стих, когда она умерла. В 39 году умерла мама, в 42 году умер папа.

Мама в деревне, на родине умерла, папа в Куйбышеве: эвакуирован из Ленинграда в 42-м.

Поздравления

1

В этот день, такой прекрасный,
Мы желаем жизни ясной,

Много солнца и тепла,
Света, радости, добра,

Счастья без ограниченья
И прекрасного здоровья без леченья[1]

2

Что задумали, пусть исполнится,
Всё хорошее пусть запомнится,

Пусть глаза ваши счастьем светятся,
Люди добрые пусть вам встретятся.

Я желаю вам только радости
И здоровья пусть до старости[2].

Молитва Николаю-угоднику

Прошу тебя, угодник Божий,
Святой великий Николай,

В житейском море утопая:
Ты руку помощи подай[1]

К твоей иконе припадаю,
Тебя, угодника, молю:
Спаси меня - я недостойна -
Молитву Богу отнеси.

Враги повсюду окружают
И не дают мене идти,
Дорогу блага заграждают -
В блаженство вечное пройти.

Ты, всем помощнице[2] великий,
Для всех являешься родной.
Прошу тебя, угодник Божий:
Умилосердись надо мной!

Ты щедротами своими
Спасал на море корабли.
Прошу тебя, угодник Божий:
Ты в[о] скорбях нам помоги.

Ты таился у оконца,
Узельцы[3] три злата сложил -
Родитель-старец помолился,
Лихие мысли отклонил.

Неисчерпаемое чудес море[4]
Угодник Божий сотворил.
Лишь только где являлось горе,
Ты всем на помощь приходил.

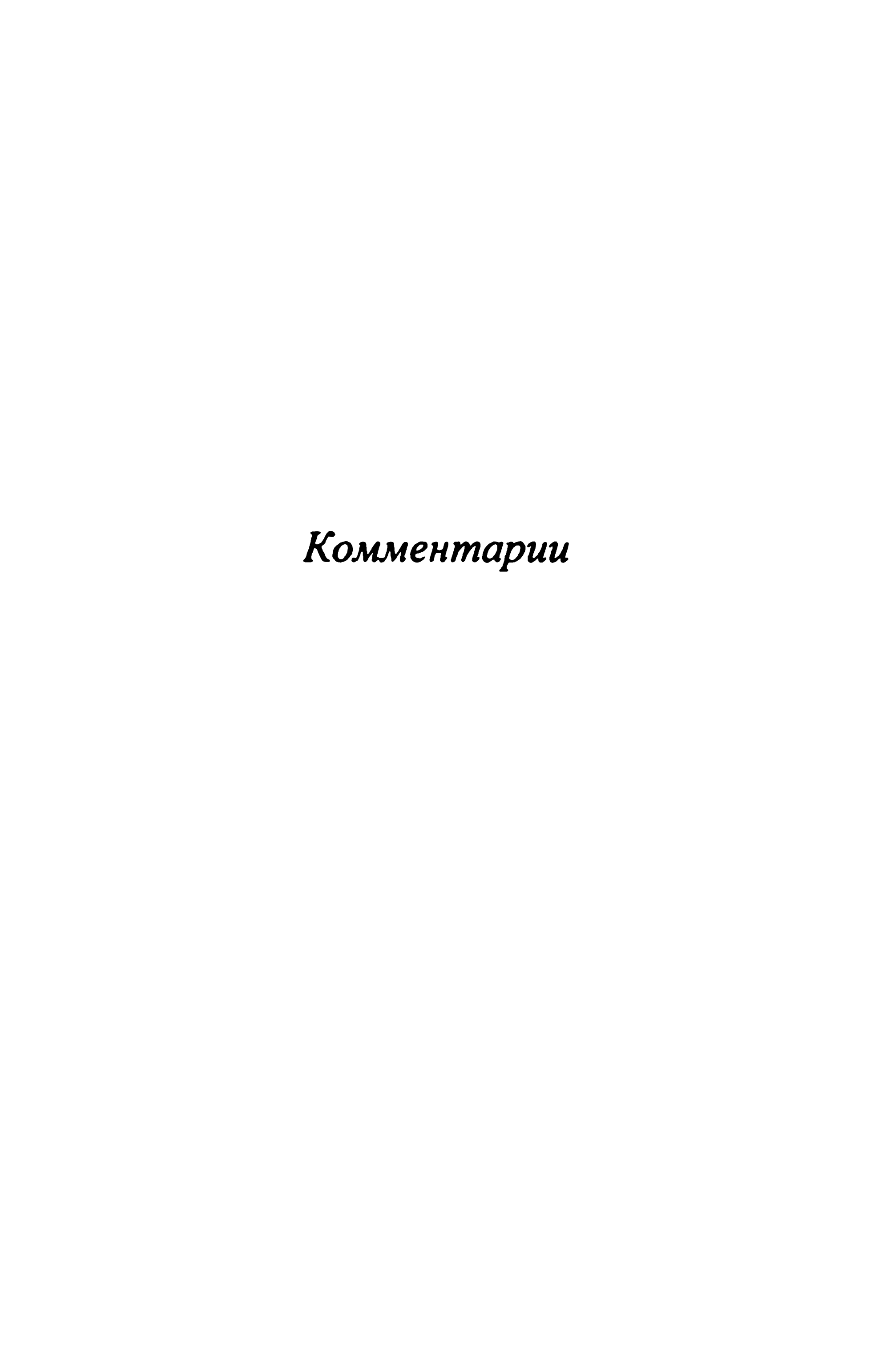
Ты п[е]ред Господом великий[5],
Тебя, угодника, прошу[6]:
Проси у Господа прощенья
За душу грешную мою.

Аминь. Вот моя жизнь: молюсь Богу. И все простите ради Бога за всё. Все молитвы наизусть знаю. 81 год. 15 февраля 96 г.

Иоанну Кронштадскому

Гулко колокол ударил.
Миру скорби возвестил.
Закатилось солнце правды,
Скрылся свет наш в небесах.
Этот свет - кронштадский чудный
Добрый пастырь Иоанн[1],
Что сиял во тьме лукавой
Славой истины святой.
Собрались вокруг гробницы
Овцы пастыря-отца,
Слёзы горькие в печали
Льют рекою без конца.
Но утешитель[2] явился.
«Духом, - батюшка сказал, -
Я вас, дети, не оставлю,
Не оставлю никогда![3]
Хоть и плоть моя сокрыта,
Но средь вас мой дух живёт.
Не оставлю сиротами
Своих искренних детей![4]
К ним всегда приду на помощь,
Всех молитвой сохраню
И к обители небесной
Свое стадо приведу.
Там пред грозною судьёю ,
Ниц упавши, я скажу:
«Боже аш[6] и мои овцы
Коих дал Ты мне пасти!
Всё, как мы прощать умеем,
Так и Ты нам всё прости![7]»
Не разлучит нас Создатель,
Будем славить мы Его.
Только тленного в сем мире
Не ищите ничего!»

Аминь.

Комментарии

1) из швейной ушла я мало заработок 40р
я перешла перед пенсией на Каландры
машинщей 9 цех присоединили к
каландрам 2го цеха и 5 лет работала
смазывалала машины масленка с ведро
принесем масла и заливаем через 20 минут
вальцы 2е ведр солидола сразу заложишь
и на всю смену в конце смены все убрать
вот такая работа. мы работали по 8ч.
в 3 смены заработок 87р. и пошла
на пенсию в 65 году. мне подарили
люстру да самовар электрический.
я приглашала приходили проводить
слесарь хороший механик хороший
Иван Никанорович Кольцов.

в цехе Каландров начальник была
Надежда Ивановна Бурлак
к 2го цеха

Образец почерка М. Н. Колтаковой:
одна из страниц воспоминаний

Как я прожила жизнь

Детские годы

[1] По современному территориальному делению Никольский район относится к Вологодской области.

[2] Все географические названия даются по рукописи (без учёта переименований, если рукопись содержит старый топоним).

[3] То, что крестьянки обычно рожали не в жилом, а в каком-либо подсобном помещении, объясняется не только стремлением устраниться от лишнего народа, но и опасением испачкать вещи. При нынешнем уровне жизни уже трудно себе представить, что значило для крестьянской семьи испачкать кровью, скажем, постельные принадлежности. Поэтому распространены были роды, например, на мосту - в помещении между избой (жилой частью дома на русском Севере) и клетью (неотапливаемой кладовой), причём роженице подстилали солому. Этот обычай отразился в частушке:

Меня мамонька родила
На соломе, на мосту,
Меня куры обосрали,
Оттого и не расту.

Первые коммунисты

[1] На мой вопрос, почему в родных местах Марии Николаевны при обилии леса жители не строили бань, я получил в высшей степени выразительный ответ: «Дураки были!»

[2] Мемуаристка рассказывала также, что один из них занимался скотоложеством: «Раз на кобыле застали, другой раз на свинье». Судя по тому, что слово *скотоложество* книжное и в народных говорах аналогов не имеет, занятие это в крестьянской среде было редким и, как нетрудно догадаться, считалось крайне позорным. В «нескромном» фольклоре оно часто связывается с духовным сословием, ср. частушку:

Ой, топы-топы-топы!
Что наделали попы:
Повели кобылу в лес,
Первый батюшка залез.

Колхоз Ленина

[1] То есть *имени Ленина.* Обычная в народно-разговорной речи форма сокращения подобных наименований.

[2] Об отвозке леса по *ледянке*, то есть ледяной дороге, Мария Николаевна рассказывала один эпизод, ярко характеризующий отношение к «общественной собственности», к несвоему добру Ей достался ленивый мерин, который не слушался кнута. Решив проучить ленивца, она накалила на огне болт и «пропарила ему жопу». Мерин исправил своё поведение - но едва ли такой приём возница стала бы применять к собственной лошади!

[3] *«Дружба»* - широко распространённая (с 50-х годов) марка бензопилы.

Смерть владыки Ерофея

[1] Не правда ли, что-то знакомое: вспомним осаду Верховного Совета РСФСР в сентябре октябре 1993 года! У наших «силовых структур» удивительно постоянный нрав

[2] Вниз головой потому что грузовая площадка телеги-однокружки (двуколки, см. предисловие) в упряжке имеет наклон.

[3] Деталь, сообщённая мемуаристкой уже после написания воспоминаний, но очень важная для характеристики стиля работы советской госбезопасности: мать Марии Николаевны Матрёна Дмитриевна случайно, возвращаясь из соседней деревни, встретила дорогой односельчан, которых гнали в тюрьму, - и тут же была арестована и присоединена к ним. В то же время сама Мария Николаевна, активно участвовавшая в «бабьем бунте», не была за это репрессирована.

Отъезд сестры в Ярославль и братьев в Ленинград

[1] *Александр Васильевич Вя́зников* - старший сын Василия и Марии из числа тех четырёх семей, которые в главе «Первые коммунисты» перечисляются как семьи лодырей и воров.

[2] *Кологри́в* - город, районный центр Костромской области (в то время - Северного края).

[3] *Нико́ло-Поло́м* - районный город в Ярославской области.

[4] *Краса́вино* - село (позднее город) в Вологодской области, пристань на Северной Двине.

Наш отъезд из деревни и судьба семьи после него

[1] Судя по всему, у Матрёны Дмитриевны была саркома. Нежелание терять правую руку исходит из простодушного представления, что на том свете нечем будет молиться

[2] Гибель людей от соприкосновения с оставленными на земле проводами под током была очень распространённым явлением в ту пору. В военные и первые послевоенные годы так погибло и несколько знакомых нашей семьи, в том числе младший брат моего одноклассника.

Как работали на заводе в Ярославле

[1] *Сквиджмаши́на* машина, прокатывающая сквиджу - резиновую ленту, из которой изготавливается наружная сторона автопокрышки. Лента эта обрезается, а концы кусков стыкуются в кольцо, образующее внешний обод покрышки.

[2] Сталинское правительство хотело лишить солдат и шинели. В 1940 г. вышел приказ, по которому солдаты при увольнении из армии обязаны были сдать свою форменную одежду: социалистическая собственность! Реализации этого приказа помешала война: раздевать догола возвращающихся домой победителей фашизма Сталин не решился.

Эвакуация завода и гибель мужа

[1] *Рабочие* улицы в южной части Омска, между железнодорожным вокзалом и шинным заводом.

[2] *Куломзинó, Новостройка* - посёлки на левом берегу Иртыша, к юго-западу от Омска. Новостройками во время войны называли места дислокации строительных частей трудармии - полувоенной (а не чисто военной, как позднейший стройбат) организации, существовавшей до 1947 г. Впоследствии эти места так и сохранили свои названия, иногда в сокращённом виде. Посёлок близ Омска до сих пор называется Новостройкой. Соответствующий посёлок в восточной части моего родного райцентра Юргамыш Курганской области, в годы войны называвшийся Новостройка-24, теперь называют Стройка.

[3] *Подóльск* - город Московской области, в котором находится архив министерства обороны.

[4] Речь идёт о пищевых суррогатах. Измолотая древесина липы и мякина в тех местах были обычными добавками в муку. В моём родном Зауралье, где липа не растёт, добавками служили конский щавель (*кобыля́тник*, на местном диалекте) или лебеда. Вообще история суррогатного хлеба в России - огромная тема.

Смерть ребёнка и отправка на работы

[1] Падение с русской печи распространённая в те годы причина гибели и увечья маленьких детей. В пору моего младенчества и у наших соседей старшая сестра уронила с печи младшую, и та умерла. Мой отец, как только я стал подрастать, сделал отверстия в ступеньках ведущей на лежанку лесенки чтобы я мог хвататься, а по краю лежанки укрепил бортик из доски, чтобы я не упал. Приходившие к нам знакомые восхищались тем, как это отец хорошо придумал, но никто не последовал его примеру, хотя маленькие дети были почти у всех. Вот ещё одна загадка национального характера (ср. отсутствие бань в лесной деревне - см. главу «Первые коммунисты»).

[2] *Ка́дровская лошадь* - то есть из существовавших в то время государственных конных резервов, в которые принимались только отборные, рослые лошади, соответствовавшие установленным стандартам.

[3] Трудармейский паёк на лесоповале составлял 600 граммов хлеба в день. Колхозников и в этом ущемляли!

Уход из колхоза и переезд в Омск

[1] *Кировск* - район Омска, южная часть левобережья Иртыша в черте города.

Второе замужество и второй сын

[1] *Моско́вка* - станция к югу от Омска, в настоящее время один из районов города.

[2] *Мария Павловна* - соседка М. Н. Колтаковой, жительница соседней улицы.

[3] Мария Николаевна ещё хотела иметь детей, но следствием этих жутких родов стало бесплодие.

[4] *Борис Иванович Кра́вченко,* сын Марии Николаевны, по специальности электрик, имеет и водительские права, но с остановкой завода, на котором он работал, вынужден зарабатывать прессовкой тарного картона в универмаге.

Дом на 11-й Рабочей

[1] *Стали подселять на огороды* - то есть урезать огороды и отводить за этот счёт участки под застройку.

[2] *Северные* - улицы в центральной и северной части Омска.
[3] *Улица Кирова* идёт перпендикулярно Рабочим.

Художник А. Н. Бенуа в своих мемуарах («Мои воспоминания». М., 1993) вспоминает, как его семья, отправляясь за границу, взяла с собой русскую кухарку. Увидев из окна вагона, как немцы садят картофель, та принялась их высмеивать: немцы это делали иначе, чем русские. Бенуа изумляется этой уверенности русских, что всё надо делать именно так, как они. Этот эпизод вспомнился мне, когда я, изумившись описанной Марией Николаевной технологии приготовления раствора, попытался выяснить, почему она готовила раствор в подполье. Привожу без комментариев запись этого разговора:

А почему вы глину в подполе топтали? Выносили бы и топтали где-нибудь на солнце, чтобы вода согревалась.

- Ой, Борис Иваныч, ведь я одна! Где на солнце? Он [муж] без ноги, чё он делает?..

- Ну, он ничего не делает, а вы-то зачем навоз и воду спускали в подпол, а не глину наверх выносили?

- Да... Ну, я там накопаю, там же, глину-ту.

- Ну, так глину бы и выносили наверх-то!

- А всё одной-то как выносить-то?

- Так раствор-то всё равно выносить!

- Дак раствор... Раствор-от уж я выносила...

- А какая разница: раствор выносить или глину?

- Я его это... заставлю это... подаю ведро - он [муж] вытащит. А я вылезу и мажу, мажу. Натопчу больше. Сколько разов...

- Но в подполе-то вовсе холодно топтать-то!

Ну, люди нанимали. Холодно - не холодно, а что делать? Мне нанять было не на что.

Нет, я не пойму, почему нельзя было глину наверх вытаскивать, зачем спускать воду и навоз, а потом вытаскивать раствор?

- А потому что там легче мне: я там накопаю с боков так... Сначала маленькая яма была, потом большую яму выкопала...

Да ведь холодно в подполе топтать, на улице теплей бы было!

- Холодно в подполе. Ноги простудила, заболели. Холодно!

[5] *Чередо́вые* улицы в южной части Омска, к западу от Рабочих. С немецкой семьёй Ли́нке, жившей когда-то у неё на квартире, Мария Николаевна поддерживала дружеские отношения вплоть до отъезда семьи в 1996 г. в Германию.

[6] Размер пенсии зависит от размера зарплаты, с которой человек перешёл на пенсию, а в колхозах военной поры зарплаты практически не было. 4 рубля 50 копеек - в масштабе цен 1961 г. В ценах середины 1997 г это около 60 000 рублей. В тех и других ценах это стоимость примерно 20 булок хлеба.

[7] Матерную ругань Мария Николаевна сурово осуждает (хоть и сама нередко ей грешит). Особенно предосудительным она считает ругательство *ёб твою мать*:

- Это же ты трёх матерей обижаешь: родную мать, Божью мать и землю-мать!

Ср. в связи с этим особое место идеи материнства в русском религиозном сознании, подчёркиваемое исследователями (см.: Федотов Г. П. Стихи духовные: Русская народная вера по духовным стихам. М., 1991 С. 77 - 78).

На заводе «Омскшина»

[1] Отсутствие пассажирского лифта при наличии грузового характерная картина на советском предприятии. Это ли не живая иллюстрация лозунга КПСС: «Всё для человека, всё для блага человека!»

[2] Часть пути, который много раз за смену проделывали подвозчицы прокладки на Омском шинном заводе, была покрыта не асфальтом, а бетонными плитами, в зазорах между которыми колёса тележки застревали. Неудобство для работниц создавалось и тем, что тележка была не на четырёх, а на двух колёсах. Почему на двух? Видимо, в силу того же лозунга о благе человека.

[3] Работа женщин в ночных сменах была и остаётся у нас в порядке вещей. Уже по окончании книги Мария Николаевна рассказывала, как однажды, возвращаясь пешком с ночной смены, чуть не стала жертвой насильника. Её спасла бойкость характера: она сумела отвлечь парня разговорами, пока не дошли до места, где были люди.

[4] *Белоку́риха* - крупный бальнеологический курорт на Алтае.

[5] Бессмысленное дежурство сотрудников на предприятиях и в учреждениях в праздничные дни (и ночи) существовало до начала 90-х годов. Впрочем, смысл тут был: это всё то же нагнетание атмосферы страха, стремление лишний раз создать впечатление, что «враг не дремлет».

Заводские подруги

[1] Напомню, что это написано в 1996 г.

[2] *Большере́чье* - районный центр Омской области, к северу от Омска.

[3] *Реше́тниково* - деревня в Большереченском районе.

[4] Отрицательное отношение подруг М. Н. Колтаковой к церкви, конечно, поддерживалось общей атмосферой рабочей среды, но его истоки, как это часто бывает, связаны с личными обстоятельствами. Парасковью Андреевну в молодые годы обманул парень, оставив одну с ребёнком в тяжёлом материальном положении, она так и не вышла замуж, одна воспитывала дочь всё это не располагало к духовным размышлениям. Ещё определённей обстоятельства, отвратившие от церкви Дарью Степановну: её пытался изнасиловать поп. Мария Николаевна сурово осуждает подруг за то, что они не молятся: «Все люди грешные, и поп такой же человек, а при чём тут Бог?»

Родственники

[1] *Светлое* - военный городок под Омском.

[2] Имеется в виду Омское высшее общевойсковое командное училище имени М. В. Фрунзе.

[3] *Улица Десятилетия Октября* одна из центральных магистралей Омска.

[4] *ДСК* - домостроительный комбинат.

[5] *Наташа* - старшая внучка Марии Николаевны.

[6] *Алексей Николаевич Парфёнов* и его вторая жена Александра Александровна живут в Петербурге в районе станции метро «Гражданский проспект», на втором этаже пятиэтажного дома. Столь же деятельный, как и его сестра, Алексей Николаевич каждый год садит на газоне под балконом картошку (хотя каждый год её выкапывают воры), а на балконе выращивает помидоры и огурцы.

Вторая женитьба сына и получение квартиры

[1] *Балтийские* - улицы на юго-восточной окраине Омска.

[2] Казалось бы, вопрос о том, кто и в каком количестве может жить в квартире, решает её хозяин. Фактически так всегда и было. Но если число проживающих превышает максимум,

установленный для площади данной квартиры санитарной нормой, то поселяющимся отказывают в прописке Казалось бы прописка это регистрация жильца милицией, и только В действительности это ещё и орудие очковтирательства не прописывая фактически живущего в тесной квартире жильца милиция создаёт для государственной статистики иллюзию выполнения санитарных норм. Если жилец прописан не там где живёт, а там, где ему удалось получить разрешение на прописку, то в принципе милиция может вынудить его переселиться по месту прописки, но фактически это делается лишь в ситуации самых жестоких конфликтов (как в случае, когда квартиранты не хотели пускать Марию Николаевну в её собственный дом) Обычно милиция удовлетворяется тем, что жилец прописан в данном городе: поскольку изменение прописки внутри города лимитировано только санитарной нормой, то при случае и взятка за фиктивную прописку достаётся хозяину квартиры, согласившемуся прописать у себя фактически не проживающих лиц. Первичная же прописка приезжих в городе, особенно крупном, обставлена ограничениями такого характера, который гарантирует получение незаконных поборов милицейскими и иными чиновниками.

[3] Левый берег Иртыша напротив Омска, кроме района так называемого Старого Кировска, был болотистым и долгое время не заселялся. В 70-х - 80-х годах там намыт грунт со дна Иртыша и выстроен типичный спальный массив с большим количеством жилых домов, но почти без предприятий. Намывка грунта под новое строительство продолжалась до конца 80-х годов, но с переходом к рынку строительные программы стали свёртываться, и вместо жилищ на намытых площадях «младая роща разрослась»: их затянуло диким кустарником

[4] Милиция преследует продавцов кустарных изделий в основном за торговлю в неположенных местах, за нежелание оплачивать место на официальном рынке. Не обошла этих торговцев и проблема рэкета, возникшая с переходом на рыночные отношения. Мария Николаевна неподражаемо рассказывала мне, как однажды отшила рэкетира: «Ишь, пристал к старухе! Иди вон и со спекулянтов собирай, а я своё продаю» Вымогатель ушёл!

[5] Сын Марии Николаевны и его жена, будучи простыми рабочими, из-за низких заработков, а в последние годы - ещё и из-за постоянных задержек заработной платы вынуждены прибегать к денежной помощи со стороны матери Естественно,

что для Марии Николаевны её помощь семье сына составляет предмет гордости. Что же касается самого сына и его жены, то такая ситуация не может не ущемлять их самолюбия - молодых, работоспособных, непьющих и отнюдь не ленивых людей, которым государство не даёт однако проявить свои трудовые возможности за достойную оплату. Ясно, что это порождает условия для семейных конфликтов.

[6] По окончании педучилища Наташа не смогла найти работу по специальности: в связи с начавшимся в 1991 г. падением рождаемости потребность в воспитателях детских садов и учителях начальных классов в середине 90-х начала резко падать. Девушка с педагогическим образованием вынуждена была устроиться лифтёршей. Оля, младшая внучка, несмотря на успешное (с хорошими и отличными оценками) окончание школы, смогла устроиться лишь в платный медицинский колледж и вынуждена, чтобы не оставаться без дела, отрывать от скудного семейного бюджета деньги на учёбу.

[7] М. Н. Колтакова награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941 1945 гг.» и юбилейной медалью в честь 50-летия Победы.

[8] Мария Николаевна не может, конечно, знать традиционного обращения к читателям, которым заканчивали свои книги древнерусские писцы: «Где че криво, исправьте, а не клените». Но как похоже!

Стихи и молитвы

Стих про маму

[1] Видимо, в первоначальном тексте было *на этом жизненном пути.*

[2] В первоначальном тексте - видимо, *материнскими рукам.*

[3] Пропуск двух строк.

[4] Очевидно, в первоначальном тексте было не слово *дорогая,* ломающее стихотворный метр, а слово *родная.*

Поздравления

[1] Похоже, индивидуальное творчество Марии Николаевны проявилось здесь только во вставке слова *прекрасного.*

[2] То же самое: Марии Николаевне принадлежит, очевидно, только слово *пусть* (в оригинале, судя по всему, было *до самой*

старости). Оба стихотворения, по-видимому, переписаны с каких-то расхожих виршей, в изобилии публикуемых в последние годы местной прессой в отделах поздравлений с разного рода личными и семейными праздниками. Но сам их выбор характеризует определённый тип городской культуры.

Молитва Николаю-угоднику

[1] Об этом тексте трудно сказать, содержит ли он какие-либо оригинальные элементы. Деепричастный оборот в 3-й строке, ритмически примыкающий к 4-й, а грамматически к 1-й, обнаруживает автора с сугубо книжной образованностью. (В автографе Марии Николаевны знаков препинания нет, а читает она так, что слово *утопая,* в соответствии с ритмической структурой, выглядит грамматически связанным со словом *подай,* а не *прошу,* и это, конечно, не имеет никакого смысла). Авторство Марии Николаевны в лучшем случае могло проявиться в комбинации готовых блоков, не вполне даже понятых. Фольклористам однако известен этот «эффект присвоения»: носитель фольклора считает текст своим уже при условии, что он его помнит и исполняет. (Но ведь говорим же и мы, например, *песни Людмилы Зыкиной,* имея в виду не авторство, а исполнение).

[2] *Утéшитель* - обычное для церковной литературы ударение.

[3] Опять (как и в случае с деепричастным оборотом в молитве Николаю-угоднику) сугубо книжный синтаксис: отрыв слова *духом* от остальной части прямой речи словами автора.

[4] Видимо, замена какого-то из рифмующихся слов.

[5] Видимо, должно быть *пред грозным судиею*. Две последних строки четверостишия (или две первых) утрачены.

[6] Я дважды с большим интервалом просил списать эту молитву, и оба раза Мария Николаевна воспроизводила это загадочное *аш*. Ср. выше комментарий к слову *узельцы.*

Приложение

Новые фрагменты автобиографических записок крестьянина В. А. Плотникова

По ряду причин, связанных с условиями и сроками подготовки к печати рукописи, я не смог включить в опубликованную в конце 1995 г. книгу «рассказ» (фактически скорее очерк) «Рыжко»

В 1996 г., уже после выхода книги «Автобиографические записки сибирского крестьянина В. А. Плотникова», я познакомился с его дочерью Валентиной Васильевной Андриевских и, находясь у неё в гостях, узнал о существовании ещё одной тетради воспоминаний Василия Александровича Ознакомившись с этой тетрадью, я обнаружил в ней трогательный рассказ о его знакомстве с будущей женой и об их долгой и верной дружбе до совершеннолетия и женитьбы В той же тетради было несколько отдельных листков с набросками дополнений или поправок к воспоминаниям о периоде коллективизации. В обстановке начала 80-х годов, когда писалась основная часть воспоминаний, автор не осмеливался говорить о своей оценке роли коммунистов в коллективизации. Но, по-видимому, ему всё же хотелось сказать об этом, и в годы перестройки он попытался это сделать: в этих черновых отрывках мы находим прямое упоминание о том, что «коммунисты нарушили демократию». Судя по тому, что эти листки находились в той же тетради, что и воспоминания о жене, вся эта часть мемуаров написана позднее, чем опубликованная - видимо, во второй половине 80-х годов, то есть незадолго до смерти.

Ниже публикуются эти фрагменты. Печатаются они только по нормативной орфографии: в 1996 г., вскоре после выхода книги, рукопись воспоминаний в полном составе была передана в дар Российской национальной (Публичной) библиотеке в Петербурге и теперь доступна для исследования специалистам, которые заинтересуются особенностями её графики и орфографии

К минимуму сведён и комментарий, поскольку речь идет о тех же местах и о тех же лицах, что и в опубликованной в 1995 г. книге.

Б. И. Осипов

Рассказ «Рыжко»

[В] 1912 г., когда отец перед смертью купил в Кургане на ярмарке жеребчика Рыжко и сам помер, остались мы одни с девками и матерью. Стали ухаживать за ним. Ему было 1 год.

Время шло, Рыжко рос. Очень красивый жеребёнок: рыжий, милый! И так он привык у нам! Мы его очень уважали, кормили его хорошо. Кусочков давали ему из руки. Он это очень усвоил: как заходишь в пригон, он уже идёт к тебе, просит что-нибудь. Яйца, блины, шаньги налевные[1] - всё ел. И так мы с девками полюбили его, и он нас тоже всегда ожидал.

Докормили его надо стало обучать. Обучать некому! В начале 1914 года наняли Ганьку, молодого парня, обучать Рыжка. Сначала он не пускал его, потом немного привык. Вот он стал обучать Рыжка: сначала верхом стал учить, потом стал запрягать в сани обучать в запряжке время от времени. Стал наш Рыжко привыкать.

Обучили - стали ездить на нём. Бывало, запряжёт в кошеву[2], меня посадит под беседку, молодых ребят насадит в кошеву - ездим по деревням. В Окулову, Шемелинку приедем к молодёжи - они говорят:

- Этого начто вы посадили тут? Выбросить надо его!

Ганька говорит:

- Нельзя: это мой хозяин!

И вот научили его: подойдут ребята к рылу Рыжка, любуются - ему и возьми да дунь кто-то в ноздри! Он этого не залюбел[3]: схватил его зубами за рукав и передней ногой ударил. С тех пор начали его дразнить: подойдут спереди, далеко от него, дунут - он зубами хватает, ногой бьёт. Вот так вошло в привычку у него передней ногой бить и зубами хватать. Задом никогда не лягался - как собака, кусался! Но только не своих: нас никогда не задевал.

Бегал рысью очень красиво и быстро, на мах никогда не срывал[4] Уши всегда держал настороже. Интересно: бежит рысью - уши всегда взад да вперёд насторожает. На вершной[5] возил очень гладко: идёт рысью - и не чувствуешь, что он под тобой бежит.

В 1914 году началась война. Ганьку взяли на службу. Остались мы одни с девками. Вот и ухаживали за ним, ездили, запрягали. Мужиков он не видел, так к нам привык.

В 1915 году весной мы его подкастрировали - сделался он у нас меринок. Вот тогда-то и мы стали обращаться с ним: стало легче, он стал смирнее. Окреп - настоящий работяга стал.

Характер у него был не совсем приятный для нас. Запряжём в телегу - только успевай садиться и бери вожжи: он как хватит, так в телеге всё, что есть, подастся назад! В лес приедешь, накладёшь воз дров, будешь трогаться тогда берегись: или оглобли оборвёт, или на пенёк наедет. А так, на дороге, хорошо шёл. Всегда передом его пускали: ни одна лошадь не могла за ним угнаться.

[В] 1916 г. мы с матерью поехали на поле лён снимать. Сняли ленок, поехали домой. Заехали в свой лес - остановились груздей поломать. Он был научен не привязывать: никогда не убегал. Но очень был боязливый. Заяц выскочил и напугал его. Он бросился бежать - набежал на пенёк, обе оглобли оборвал. Осталась наша телега с возом льна: Рыжко убежал с одними оглоблями. Пошли домой пешком. Доходим до последнего леса к дому, смотрим: наш Рыжко стоит в осинках, весь дрожит. Сосед Иван Григорьевич его словил и привязал в осинки. Взяли мы своего Рыжка, повели обратно, привязали оглобли и тяжи, запрягли, тожно[6] поехали домой.

Опять надо делать оглобли - делать некому: сам ещё не могу загнуть оглобли.

Боронить под седлом очень ходил хорошо - кнута не надо. Очень любо было на нём боронить. Пахать в сохе запрягали в корень[7] По борозде шёл - не доходя 5 метров до края борозды, срывал выезды. Пристяжные кони этого не выполняли - пахарь должен быть настороже, а то соха выпадет - опять чилизна[8] и слёзы. Сеяли с дядей Митрием - он его не пускал близко: ни запрягать, [ни] к мешанинннику[9] не пускал мужика. Вот мы с сестрой Анной запрягали и кормили сами и пахали. Но я ещё пахарь был плохонький - он меня не слушался на заворотах. Так не убегал, сам в борозду зайдёт, ног вот на выходе соха у меня выпадывала - оставалась чилизна.

[В] 1918 г. наняли мы рубить дрова беженца[10] Савлука с его дочерями. Вот я повёз их в лес к Кобыльему. Посадил их в телегу. Савлук сел со мной рядом. Он уже был пожилой. Дома они на конях не ездили - всё на быках. Я как сел да вожжи натянул - он как пошёл рысью, так мой спутник только руками хлопает да удивляется:

- Ай, Рижик! Ай, Рижик! Вот какой Рижик! Ай, Рижик!

Уж больно он поглянулся[11] ему. Я их прокатил 3 километра, наверное, за 6 минут. Вечером обратно за ними приехал и опять так же прокатил.

Была у нас замешана самогонка к празднику - Кириллову дню. Поехали мы с матерью самогонку сидеть[12] в первый лес, к колодцу. Там сидели самогон. Увезли всё: гущу и завод - на старой кобыле. В лесу оводно[13] - мать говорит:

Уведи кобылу, отпусти в поскотину[14]. Когда высидим, поймаешь лошадь и увезёшь всё домой.

Вот самогонку насидели - мать взяла лагушку[15] с самогонкой, понесла домой, я пошёл имать лошадь. Кобылы поймать не мог: они хитрые, не ловятся мне. Подхожу к Рыжку - он ко мне сам идёт. Словил Рыжка, сел на вершну, поехал за телегой. В телеге всё было складено: кадочка с гущей, завод, пудовка[16], на пудовке корчага[17] и корыто с трубой холодильник[18] Запрёг Рыжка, взялся за вожжи - как он пластнёт по своей хватке! Пудовка с корчагой выпала через задок, забрякала - он напугался и бежать! Я не успел сесть в телегу, от вожжей не отпустился и, видимо, повернул в лес - не знаю, что как было. Передней осью задели за берёзу ось отломилась, до задней оси дошло заднюю отломил. Телега упала набок, гуща в кадушке вылилась. Покуда переднюю и заднюю оси ломал, видимо, какая-то пауза прошла - замедление. Я в это время вожжи намотнул на тоненькую берёзку и держусь. Он ещё, покуда бился, с берёзки кору снял - около метра. Всё же я его не отпустил.

Потом он успокоился, я его выпряг, сел на вершну, поехал домой. Домой приехал со слезами:

- Всё приломал, обои оси!

Пошли к дяде Митрию:

- Айда поедем за телегой: всё приломали.

Поехали с ним, склали всё в телегу, привезли домой. Пришлось наймовать[19] дядю делать оси. Подумать только, сколько было огорчения и слёз! Но Рыжка всё же не отпустил.

[В] 1919 г. потребовались лошади верховые для солдат карательного отряда. Нашего Рыжка сельский староста назначил. Мы с матерью повели его. Солдаты стояли, где сейчас контора колхоза Приводим его, солдаты вышли, один говорит:

- Вот, я поеду на этом.

Стали подходить к нему - он пшикает, дрожит, передом бьёт. Но всё же они его оседлали.

Поехали солдаты, мы с матерью пошли домой. Не успели дойти до магазина, где сейчас сельмаг, нас кричат. Мы

обернулись, смотрим: солдат ведёт его в поводу. Подошли к нему:

- В чём дело?

Он говорит:

- Нате эту лошадь. Не надо нам его: он зашибёт!

Он как сел на него, шпорами его пришпорил - тогда Рыжко [в]скочил в дыбы, и подпруга лопнула, и солдат упал. И отдал нам его. Мы радёхоньки! Мать забросила поводья на шею, взяла меня за ногу, подбросила на вершну, я угрёбся[20] за гриву - уж тут не до поводьев, - он как хватит галопом - и пошёл! Только снег вихрем за мной. И так до дома не остановился: всё время махом шёл. Добежал до дома, вздохнул раза два - и как будто весело стало ему: лижет меня языком. И я радёхонек. Солдат говорит:

- Что это такое: такой клоп поехал, а я не мог уехать!

Вот так мы с Рыжком жили - всё время дружили. И в пригоне, и на воле он всегда мне имался - не было случая, чтоб я его не поймал. Когда словишь его, дашь ему сухарь или сахару комочек - он это очень любил. Грива была у него большая и заплетена коса. Кто её заплёл, не знаю. Говорят, что эту косу плетёт ласка - такой зверёк, маленький, белый. Пробовали мы расплести, но ничего не вышло: обратно сплетается.

Мало мне пришлось на нём поездить: был я ещё молодой - всего 13 л[ет].

На масленской неделе в беги забегали[21] Вся молодёжь выезжала на своих лошадях гулять верхом. Один раз погнали мы скотину на большую поскотину, я - верхом на Рыжке.

- Давайте, ребята, поучимся, как пикой колоть!

Высмотрели у солдат - и давай! Взяли по длинной палке и пустили рысью. Колоть должны телеграфный столб. Я угадал в аккурат в столб - пришлось мне остаться без Рыжка: столб-от не сдал, а Рыжко бежит! Я не в седле - как не бывал на Рыжке: скатился через зад. И Рыжко у меня убежал домой. Вот горя было, что отпустил Рыжка!

Очень услужли[в] был он у нас, в работе хорош - только сам за себя не стоял. Молотили когда конными молотилками, жалко было его запрягать. В колесо 6 лошадей запрягут - все кони ходят ничего, а он весь в пене: ворочает и ворочает. В жатку его запрягали сначала одного, потом подпрягали пристяжку. Воз хоть какой клади - увезёт, только бы выдюжила упряжка. Молодец Рыжий!

Чужому никому не словить ни в поле, ни в пригоне. Оборона у него - зубы и передние ноги. Далеко не подходи чужой! Насчёт

этого опасно было. Как-то он у нас свинью убил дома, в пригоне. Я залез в сенник давать соломы. Когда соломы набросал, он подошёл к соломе, ест - свинья открыла пригончик и тоже к соломе Он её только один раз стукнул передней ногой по шее, и она померла Да ещё выхватил кусок мяса на шее. Вот опять я пустился в слёзы как быть, что скажу матери: Рыжко убил свинью! Зачем, скажу, отпустил? Не знаю, как быть! Но что сделаешь: нет свиньи!

Ну, думаю, подрасту - буду ездить на Рыжке. Запрягу в кошеву. Сбруя была специально по нему сделана: хомут, седёлко, шлея с блёстками, хомут тоже с блёстками, гарусная подпруга, дуга хорошая, зелёной краской крашена, вожжи плетёные из кожи.

И так и не пришлось! [В] 1919 году Колчак отступал - мать уехала на Рыжке в подводы[22], и пришлось его бросить под Курганом. Пришла домой мать пешком. Поревели-поревели - что сделаешь: не она одна бросила коней.

Воспоминания «Как я воспитывался»

[Я], Плотников Б. А., родился [в] 1916 году, 19 марта. Жил с отцом и матерью. [С] 1911 года запомнил отца и мать. Отец меня всегда брал с собой на поле. И на базар поедут - меня берут с собой. [В] 1912 году ездил с ним в Юргамыш за овсом - посмотрел железную дорогу.

Когда ехали бором, прямо на пашню Цыганская степь, в бору видели волка. Отец мне говорит: «Вася, вон смотри: гостенёк по деляне идёт». Деляна - это вырубка леса. А шёл волк - он его назвал гостеньком.

В этом же году возил меня за кирпичом в деревню Игнашина: для постройки магазина кирпич везли. Тогда организовали наши кислянские мужики общество потребителей - отец был членом общества.

[В] 1911 году была какая-то трудовая помощь: строили в Кислянке водослив и дорогу в Юргамыш. На болотах кочки срубали и возили их в зароды[23] на берег, и рубили куст. Возили в зароды, потом сжигали. Всё это делали для очистки покосов. И за все работы кто-то оплачива[л].

Семья у нас была большая: бабушка Анисья, бабушка Мария, отец, мать, сёстры - Александра, Устинья, Анна, Авдотья, Анисья, я - Василий. Всего 10 человек. Отец и мать неграмотны. Устинья одна грамотна. Не знаю, сколько она кончила классов.

Читать, писать умела. Старшая сестра Александра вышла замуж не знаю когда: я ещё был маленький, а может, и не было меня.

Бабушку Анисью похоронили ещё при отце, но её хорошо помню. Как я её запомнил? Летом, после посевной, колёса смолили смолой - она мои санки высмолила. Я заревел:

- Пошто мои санки насмолила?

С отцом мне жить пришлось недолго: он [в] 1912 году осенью помер. Я остался шести годов от него. Устинья с нами прожила недолго: [в] 1913 г. в феврале вышла замуж за Постовалова Евстифора Фёдоровича. Сестра Анисья померла. Вот и остались бабушка Мария, мать, Анна, Авдотья и я - Василий.

Когда отец помер, пришли к нам из волости описывать имущество: чтобы не растратила вдова имущество, привели опекуна. Мать отказалась от опекуна:

- Не надо мне опекуна! Не приму опекуна! Что это такое: будет он к нам ходить распоряжаться, что мне делать? Не надо мне опекуна - записывайте меня, сама буду опекун!

Первый год помогал нам сеять зять Евстифор. [В] 1914 году 20 августа война первая империалистическая открылась Евстифора взяли в армию. Остались мы одни: в семье мать, бабушка Мария, Анна, и Авдотья, и я. Мать Анну и Авдотью отдала в школу учиться, а мне тоже охота в школу - мать меня не отпустила, говорит:

- Ты ещё мал - не отпущу.

А мне охота учиться! Девки стали ходить в школу - придут домой, читают, пишут на доске грифельной, я смотрю. Потом стал спрашивать у них кое-что - буквы - и стал приглядывать. Шло время. Много букв изучил, стал читать. Они говорят маме:

- Купи ему букварь, доску грифельну - он будет писать на своей доске.

Когда мне купили букварь и доску грифельную, я тогда стал писать на своей доске. И букварь свой! Залезаю на полати - и читать, и писать! Вот так и научился писать и читать - сам, самоуком. Вот моё образование. Одно жалею: правописание никто мне не подсказал - я и сам не знаю, как писать правильно.

[В] 1914 году всех мужиков взяли в армию. Вот тогда вся работа по хозяйству легла на сестру Анну: она стала пахать, а я боронить. Не одни, а с соседом Постоваловым Данилом Ефимовичем. Восьми лет сел [я] на вершну - стал боронить, Анна - пахать. Вот так и работали до 1920 года.

В 20[-й] год Анна ушла замуж. Мне пошёл 14[-й] год. Вот - я стал хозяин, вся работушка легла на меня да на Авдотью. На

поле спать один боялся - тогда брал с собой Авдотью на поле ночевать.

[В] 1919 году, когда белогвардейцев прогнали с нашей местности, у нас осталось две рабочих лошади. Мать уезжала в подводы с белыми - там бросила лошадь с телегой, сама пришла пешком. И то была рада, что сама вернулась домой! Осталось у нас в хозяйстве две лошади и два жеребёнка. Осенью один жеребёнок пропал[24], а жеребчик мухортой масти остался. Вот мы его выкормили, старую кобылу продали - осталось у нас одна кобыла да жеребец мухортый. В 20[-м] году пахал на кобыле и на Мухортке.

1921 - неурожай. Всё посохло - хлеба намолотили мало, корму заготовили мало. Кобылу продали, остался один Мухортко. Стали работать с соседом Василием Ивановичем; у него тоже одна лошадь.

Стал обращаться к мужикам: Постовалову Данилу Ефимовичу, Постовалову Дмитрию Анисимовичу. Постовалов Петро Степанович научил меня плотничать. Телегу сделал под руководством его. Стал обращаться к мужикам, как мне вести своё хозяйство. Спасибо ниже помянутым мужикам: наставили меня на добрый путь.

А время идёт. Купил кобылу рыжую, один год ей. Вырастил её - стало у меня две лошади. Купил плуг фабричный.

Я был ко всему любопытный, меня всё интересовало, всё спрашивал, как что. Приду в кузницу - смотрю, как куют кузнецы. Не стеснялся - спрашивал. Они увидели, что интересуюсь - Постовалов Т. Т. предложил мне:

- Давай, Василько, давай заводи себе кузницу! Я тебе отдам старую наковальню, кувалду, молоток, клещи, зубило и бродок - будешь ковать. Остальное всё приобретёшь потихоньку.

Вот я взял у него наковальню, кувалду, клещи, сечку. Надо мех - раздувать горно, а его у меня нет. Стал думать, как быть: кожи на мех нету. И придумал сделать вентилятор наместо меха. Когда его сделал, стал пробовать, какая сила ветра у моего вентилятора. Воздух-то надо в одну узкую трубку сделал фурму[25], какие в кузнечном горне. Раскрутили вентилятор, я подставил к фурме свою шапку - её у меня убросило далеко! И так летом 26-го года построи[л] кузницу в огороде, в земле, и стал ковать.

В своей кузне мог только лемех к плугу клепать да зуб к бороне. Ни тисов, ни машинки нарезать резьбу нету.

Пригласил кузнеца Барышникова Сергея Фёдоровича, который у нас работал в Постоваловой. У него кузницы не было - он работал по найму у мужиков. Вот с ним я научился ковать, варить. Он мне сковал тисы кузнечные и инструмент кузнечный.

Научился ковать. Не знаю, что было со мной: просто какое-то желание ко всему. За что ни возьмусь, то и выходит у меня!

Вот поверят [ли] сейчас современники: при таком оборудовании, у меня в кузнице какое было, а Серёжа Барышников отковал мне тисы кузнечные! Винт к тисам и гайку сковал. Сейчас скажут: винт и гайку надо точить на станке - у нас в то время не было станков токарных! Я спрашиваю:

- Как быть с винтом и гайкой?

- Откуём кузнечным способом!

Сделал прибор: верхник и нижник - и стали выдавливать на винте ленточную резьбу. Винт готов сейчас надо гайку. Спрашиваю его:

- Как будешь гайку ковать?

Он мне говорит:

- Иди в избу, заставь замешать тесто - как замешивают на пельмени, немного погуще. Неси его сюда.

Я это выполнил: принёс тесто. Он из этого теста раскатал толстую лепёшку квадратную и обогнул [во]круг винт, который сковали к тисам, потом лепёшку разогнул - и на ней оказались косые дорожки. Вот тогда отковал из железа такую же лепёшку, на этой железной лепёшке выдавили в горячем состоянии такие бороздки, что и на тесте, потом нагрели и [во]круг винта обогнули. Вот и получилась гайка! Сковал на гайку кольцо, надел на эту трубку, припаяли на медь - и гайка готова.

Эти тисы я эксплуатировал до 1934 г. Всё они мне служили верой-правдой. И это[т] Серёженька наделал мне всякого инструмента.

И [в] 26[-м] году его убил Постовалов П. Ф.

Сейчас перейду в раннее детство.

С парнями я стал ходить [в] 1920 г. Парней у нас в Постоваловой было с 4-[го], 5-[го], 6-[го] года - 22 парня. Девушек было с этих годов - 26 девушек. Вот так сложилось моё детство. Парни были всякие: добрые и хулиганы. У трёх парней были наганы. С кислянами[26] дрались. По улице ходили с гармошкой, пели песни нецензурные. Я тогда ещё подумал, что так нехорошо молодым парням: нас слушают пожилые люди и девушки, что мы напеваем. И пришёл к такому выводу, что надо мне избавиться от таких парней.

[В] 1920 году я повстречался с девушкой. Мне было в то время 13 годов и 2 месяца четырнадцатого года, а ей было - а ей было 14 полных, 1 месяц пятнадцатого года. Вот тогда мы с ней повстречались.

Сначала глазами смотрю: что-то она смотрит на меня таким взглядом, что сразу меня пленила. И я на неё ответным таким же взглядом посмотрел. Вот так у нас с ней завелась дружба.

Всё ходили друг на друга поглядывали, окончательно объяснились на покосе.

Пришлось косить нам с ней на покосе вместе. [В] 1920 году моя мать поручила покос выделить Постовалову Д. Е., и её сестра Надежда Евграфовна тоже заставила покос выделить Постовалову Д. Е. Косили 6 хозяйств все вместе, делили копнами. Вот так получилось быть на покосе вместе с ней.

Приехали на покос - Постовалов Д. Е. посмотрел, кто кого привёз на покос, и говорит нам:

Вот вас 4 человека молодёжь, нам с вами косить будет тяжело я вас поставлю косить отдельно: Постовалов Иван, Фадюшин Ф[ёдор], Плотников В[асилий], Черепанова А[лександра] Е[вграфовна].

Дал установку нам, как косить. Меня назначает старшим в группе, Ивану и Фёдору сказал:

- Будете ходить всегда вперед[и], а за ними девушку ставьте сзади. Обратно все вместе не ходите с литовка[ми][27].

Вот начали косить, выполнять его указание. По несколько оберушнико[в][28] прошли - она мне стала подтаскивать литовку точить. Я стал точить ей литовку.

Она пошла сорвала цветов, приносит их ко мне - и приткнула мне в гимнастёрку, в грудной карма[н], и говорит мне:

- Вася, цветы у меня не простые: в одном сердце моё!

Я поблагодарил её за подарок. После второго оберушника я цветов принёс к ней, устроил их к кофточке в петлю и сказал:

- Цветы у меня тоже не простые: в одном сердце моё.

Вот тут мы с ней и объяснились, что любим друг друга. Вот с этих пор стали дружить с ней.

[В] 1921 году мы с матерью стали отдавать мою сестру Авдотью замуж. Приехали сватовщики из Шемелино[й]: материн брат Григорий Иванович с женихом и свёкром. Мать сперва отказала:

- До завтра подумаем.

На другой вечер просватали Авдотью. Сделали девичник. Я сказал сестре Авдотье:

- Зови на девичник Шуру.

Она её созвала.

Вот она у нас сидела на девичнике.

В один вечер случилось та[к]. Я ушёл управляться с конями. Кони были на гумне: у нас там были пригон и колодец. Коровы там спали, а коней приводили [?] домой к ночи. Ушёл не сказался своей девушке. Она посидела-посидела меня нет. Пришла в избу[29], залезла на полати и полёживает на полатях. Я управился, прихожу в избу, разделся, пошёл в горницу - смотрю: моей девушки нет. Куда девалась? Пошёл обратно в избу. Мать моя лежит на голбце[30]. Спрашиваю её:

- Мама, Шурка ушла домой? Где-то нету её в горнице.

Она говорит мне:

- Вон, лежит на полатях.

Я [в]стал на скамью, заглянул на полати - смотрю: она там лежит.

Вот - мне в голову ничего не пришло, что делать: я залез к ней на полати, лёг с ней спать! Мать моя лежит на голбчике, а я с девушкой на полатях.

Подруги её приходят в избу, говорят:

- Где-то мы потеряли пару: сына твоёго и Шуру.

- Вон, - говорит, - лежат на полатях.

Мотя [в]стала на скамью и говорит нам:

- Вы что ушли?

Моя девушка отвечает им:

- Ой, девушки, у меня голова заболела, вот я и ушла.

Девичник отвели, свадьбу отвели. Мы с Фёдором Васильевичем ездили с постелью на свадьбе.

Жить моя сестра Авдотья не стала замужем. Мать её сжалилась, что отдали незнамо куда: поглядела на своего брата Григория Ивановича. Вот с тех пор и разгрешили мы с Григорием, материным братом. Я его стал ненавидеть, когда ещё не грешили с ним: с матерью ездили к ним - он меня всё время заставлял читать божественные книги, веровать в бога и говорил мне:

- Советская власть продержится три года и три месяца: приедет всадник на белом коне и свергнет эту власть. [*Два неясных слова*] ...мало хлебная мера.

Я его уканье только слушал и во внимание не брал: я уже к этому времени был воспитан от зятя Черепанова Василия Павловича. У него была своя библиотека: много книг художественных и научных и «Волшебство и магия». Вот мы их и

читали. Василий Павлович в бога не верил и в царя, был политиком «неорганизованным большевиком». Тогда их называли так - большевиками.

1921 г[од]. Праздник, Кириллов день. Сидели мы с девками и ребятишками у Мотьки Ермоденовны, у амбара, и решили пойти на полянку к мельнице-ветрянке. Ребята играли в гармошку, шли с песнями. Там стали играть кру́гом[31] Поиграли, и кто-то предложил пойти в лес за Овечьи ворота, в первый колок[32]. Мы со своей девушкой пошли по лесу и отошли от них далеко. Всё идём ягоды-землянку рвём. Нарвали ягод, дошли до логу до Боринского. За логом кривая берёза. Мы на эту берёзу сели, стали есть ягоды.

Засиделись там долго, а девки и ребята пошли домой. Мы не думали, что они ушли. Вышли из леса, смотрим: они уже близ деревни, нам сейчас их не догнать. Решили идти Боринской дорожкой, которая выходит к шаховской мельнице[33]. Через слань[34] перейдём и задним заулком придём к её сестре Надежде Е[вграфовне]. До слани не дошли метров сто - моя мать из Постовалов[ой] идёт в Борину, к дочери. По берегу речки расстояние одинаково оказалось. Мы со своей девушкой подходим по этой дорожке, и она тут, мать моя, остановилась. И мы подошли к ней, девушка моя поздоровалась с моей матерью - мать говорит:

- Идите: я вам дорогу не пересекаю.

Мы перешли на крестовую дорогу, на слань, а мать пошла подле речку.

Опять попали матери на глаза. Моя девушка расстроилась. Но я её успокоил:

- Не расстраивайся: ты ведь знаешь, что мы с тобой ходили всё время вместе, все люди знают, что мы с тобой дружим. Это нам с тобой... это всё... ничего не стесняйся!

Нам с ней было не так интересно ходить с девками да с ребятами. Как только сойдёмся, окажемся вместе, стоит только поглядеть друг на друга - [в]стаём и пошли в заулок, к дому. Там был срублен пятистен - вот тут мы всегда сидели парочкой. Девки и ребята уйдут по ули[це] с гармошкой, а мы с ней сидим одни. Насидимся - пойдём к её сестре. Я домой схожу - и обратно к её сестре. Она меня ждёт:

- Куда пойдём?

Пойдём на берег речки: там, за огородом, на берегу речки оборудовали беседку и просиживали до вечера.

Вот так всё время ходили - не стеснялись никого, по улице ходили парочкой. Остальные все девушки и ребята никто не ходили так, как мы со своей девушкой.

Один раз пошли мы с ней в наш край к Енушковым девка[м]. Только стали подходить к мосту за нами вышел Егор Ерферьевич от Петра Степановича и шёл за нами. На второй день увидел меня и говорит мне:

- Ну, Василько, ты пару себе подобрал! Любо смотреть на вас! А я вот женился: взял Анну - она мне не пара. Пойду в гости на Кокуй с ней - мне стыдно с ней идти!

Она у него была маленькая: всего до подпазух ему. Вот и думаю[т]: муж-от идёт с ребёнком! Мы со своею девушкой были оба ровные, у обоих была кость и тело!

И вот мы с ней повстречались - мне было тринадцать полных, а ей было четырнадцать полных, проходили с ней всё время вместе до женитьбы - не могли разлучиться.

Когда Семён Владимирович с её сестрой уехали к Мамонову на выселок, тогда она у меня стала реже встречаться со мной. Пришлось мне ходить в Кислянку. Но она Постовалову не забывала - прибегала ко мне.

Шли года: 23[-й], 24[-й]. Мы с ней стали взрослые. Я стал ходить к ним на вечорки, к её сестре родной. Их там сидело пять девушек. К ним никто не ходил - я только один ходил к ним. [В] воскресенье в клубе ставят спектакль, то я беру билет себе и ей - идём двое на спектакль. Кончится спектакль - идём обратно на вечорки. Ходили на пару и сидели рядом.

1925 г[од]. Подруг наших стали отдавать замуж. Мы с ней сидели у них на девичниках: у Нюры Никифоровны, у Натальи Васильевны, у Зои, у Клав[д]ии - на 4 девичника[х] у 4 подруг. И [в] 25[-й] год сами с ней решили пожениться.

Пошли к её матери Фёкле Васильевне взять благословление. Сказали ей, что вот, пошли с твоей дочерью брать твоё благословление: хотим сходиться. Мать её не возразила. Я своей матери тоже заявил:

- Мама, я хочу жениться.

Она мне говорит:

- Кого хочешь брать?

Я ей ответил:

- Шуру.

Моя мать тоже не возразила.

- Свадьбы делать не будем, венчаться не будем. Свадьбу делать у нас не на что, и у ней тоже. Сойдёмся две сироты и

будем жить - один другого не осудит. У ней животов[35] нет, и у меня ничего нет. Богату взять - животы в сундуках, а урод на руках. Я сирота, она сирота. Пять лет ходим с ней вместе.

Ни моя мать и ни её мать не возразили:

- Дело ваше: сходитеся да живите!

Поехал на мельницу, смолол два воза пшеницы - 32 пуда, отделил муки 1[-го], 2[-го] сорта, увёз в Шадринск, продал на 62 рубля, кое-что побрал. С сестрой Устиньей пошли в Кислянку в магазин, зашли за будущей моей женой, тоже побрали кое-что.

Свадьбу делать не стали: вечером съездили за невестой, взяли девчонку в провожатки подругу её, ночевали. Утром поехали списались[36] в сельсовете, провожатку отвезли домой, вечером собрали небольшой вечер. Своих пригласили, посидели и всё: никаких ритуалов не делали, женились по-новому.

В этот вечер в Постоваловой сыграло ещё 4 свадьбы. Все мои товарищи женились - делали свадьбы, венчались в церкви. Вот сейчас не знаю, как насмелился оди[н], первый не только в Постоваловой - во всём Кислянском приходе. Все венчались в церкви: работала до 28[-го] года - все венчались. Я первый проложил дорогу. Черепанов Фёдор Васильевич после меня летом 25[-го] г[ода] тоже не поехал венчаться: списался и венчаться не пошёл в церковь.

Никак не пойму, почему наши ребята поехали свататься - некоторые в другую деревню, а двое взяли в своей деревне, а раньше с ними не дружили. Почему, не знаю, никто из них не дружил с девушкой: что отцы-матери им, видимо, предложили, - они и послушали отцов да матерей.

Я вот дружил со своей девушкой 5 лет, и домой водил её, к ним ходил с ней, они меня принимали, как гостя, мы не стеснялись с ней и друг другу не изменили.

[Отрывки на отдельных листах]

[*Лист 1*]. [В] 1931 году в Постоваловой 6 февраля мы с мужиками организовали артель: 1) Постовалов Петро Степанович, 2) Постовалов Петро Степанович второй (однофамильцы), 3) Постовалов Василий Павлович, 4) Постовалов Фёдор Гаврилович, 5) Плотников Василий Александрович, 6) Грязных Иван Иванович.

Узнали, что есть такой устав (примерный): обобществляется только движимое имущество, остальное не обобществляется.

Вот они собрались организовать артель. Первое собрание проводили у меня в горнице. Участвовал на нашем собрании председатель Кислянского сельсовета т Бельков.

Избрали правление:

1) Постоваввлов Фёдор Гаврилович - пред[седатель] колхоза,
2) Постовалов Петро Степанович 2[-й] - счетовод,
3) Постовалов Петро Степанович 1[-й] - член правления,
4) Постовалов Василий Павлович - член правления,
5) Плотников Василий Александрович пред[седатель] рев[изионной] комиссии,
6) Грязных Иван Иванович - распред[елитель] труда.

[*Лист 1 об.*]. Избрали правление - [в]стал вопрос, где делать контору правления. Решили сделать контору у м[ен]я, Плотникова Василия. Как назовём артель? Решили назвать «Пахарь»: так ка[к] все мы собрались пахаря, назовём артель «Пахарь». На время я, Плотников, пустил контору к себе в горницу.

На второй день поехали счетовод с пре[дседателем] правления в Юргамыш, в земельное управление, полу[ч]ить кое-какие наставления. Привезли книгу по учёту, заказали печать на колхоз «Пахарь».

К нам в колхоз «Пахарь» пошли заявления с просьбой принять в колхоз. К весне 1931 года вступило 26 хозяйств. Мы не ходили не агитировали, чтоб к нам вступали в артель сами шли, добровольно. Из Кислянки 6 хозяйств вступили в наш колхоз.

[*Лист 2*]. Собрались все пахаря. Большинство - средние хозяйства. Лошадей было - более 40 лошадей, жаток 3 ш[туки], 1 молотилка. В первую посевную запрягали в плуг 18 пар. Посеяли, все межи перепахали на конях.

Долго нам не дали поработать. [В] 1931 г. в июне месяц[е] нам предложили принять колхоз «Бедняк», вот и... [*обрыв листа*]. В общем, демократию нарушили коммунисты.

[*Лист 2 об.*]. Председателем [объединённого хозяйства] избрали Постовалова В. П., но он про[ра]ботал мало - с января до марта. После избрали Ковалёву Надежду: Постовалов В. П. уехал на Смолинское. Вот так и все первые организаторы разъехались кто куда, я один остался - Плотников. Я работал в кузнице кузнецом. [В] 1933 году организовалась Кислянская МТС[37], [в] 1934 г. меня, Плотникова В. А., взяли... [*обрыв листа*] вот я и порвал... [*обрыв листа*].

Комментарии

[1] *Налёвные шáньги* - род ватрушек, политых смесью муки со сметаной.

[2] *Кошевá* - сани с кузовом для седока (обычно плетёным).

[3] *Он это не залюбéл* - ему это не понравилось.

[4] *Срывать на мах* - переходить с рыси на галоп без команды ездока.

[5] *На вéршной, на вéршну* - верхом.

[6] *Тожнó* - только тогда.

[7] *Запрягать в корень* - запрягать в качестве коренника - коня, несущего главную нагрузку в упряжке.

[8] *Чилизнá* - огрех, непропаханное место. Речь идёт о том, что конь неправильно делал поворот при пахоте.

[9] *Мешанúнник* - бричка для перевозки корма.

[10] Речь идёт о беженцах из районов боевых действий первой мировой войны

[11] *Поглянýться* - приглянуться, понравиться.

[12] *Сидéть* так говорят об изготовлении того, что требует длительного процесса, длительного ожидания. Ср. *сидеть соль* - о выпаривании соли из воды солёного озера.

[13] *Óводно* - много оводов.

[14] *Поскóтина* - пастбище около деревни.

[15] *Лагýшка* - небольшой сосуд.

[16] *Пудóвка* - сосуд наподобие ведра, вмещающий пуд зерна.

[17] *Корчáга* - большой глиняный сосуд.

[18] *Холодúльник* - устройство для охлаждения спиртовых паров при выработке самогона.

[19] *Нáймовать* - нанимать.

[20] *Угрестúсь* - ухватиться.

[21] *В бéги забегáть* - устраивать бега.

[22] *В подвóды* - в извоз. О мобилизации крестьян для перевозки имущества отступающей колчаковской армии подробно рассказано в основной части записок.

[23] *Зарóд* - стог.

[24] *Пропáсть* - издохнуть, умереть (о скотине).

[25] *Фýрма* - устройство для подачи дутья.

[26] *Кисляне* - жители села Кислянка.

[27] *Литóвка* - коса.

[28] *Оберýшник* - прокос, полоса травы, выкошенная за один проход косца.

[29] *Избой*, в противоположность *горнице*, в данном говоре называется первая при входе в дом жилая комната, где находится русская печь и кухонное хозяйство.

[30] *Го́лбец* - здесь имеется в виду так называемый верхний голбец - доща́тое возвышение рядом с лежанкой русской печи, служившее в крестьянских домах спальным местом.

[31] *Играть кру́гом, в круг* - водить хоровод.

[32] *Ко́лок* - перелесок.

[33] *Ша́ховская мельница* мельница, принадлежавшая до революции купцу Шахову. См. об этом в основной части записок.

[34] *Слань* - запруда, плотина.

[35] *Животы́* - добро, имущество.

[36] *Списа́ться* - зарегистрировать брак.

[37] *МТС* - машинно-тракторная станция.

СОДЕРЖАНИЕ

На обложке: заводоуправление Омского шинного завода

НАРОДНЫЕ МЕМУАРЫ
II
ВОСПОМИНАНИЯ РАБОТНИЦЫ М. Н. КОЛТАКОВОЙ
«КАК Я ПРОЖИЛА ЖИЗНЬ»
Публикация и исследование текста

Редактор Л. М. Кицина .
Компьютерный набор и оформление Б. И. Осипова

Подписано к печати 1.12.1997. Формат бумаги 60 × 84 1/16. ОП.
Усл. печ. л. 6,6. Уч.-изд. л. 6,1. Заказ 112 .Тираж 400 экз.

Лицензия ЛР № 020380 от 29.01.1997.
Редакционно-издательский отдел
Омского государственного университета
Омск, 644077, пр. Мира, 55-А

